

Старостина Е.В., Шаповалова Н.Г.

**Основы теории коммуникации:
лекции и практика**

**Учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по
специальности «Журналистика»**

Саратов, 2014

УДК 81'1 (075.8)

ББК 81.я73

С 77

Е.В. Старостина, Н.Г. Шаповалова

Основы теории коммуникации: лекции и практика: учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по специальности «Журналистика». – Саратов, 2014. – 55 с.

Учебно-методическое пособие составлено в соответствии с программой курса «Основы теории коммуникации». Пособие включает тексты лекций, планы практических занятий, вопросы к семинарам, список рекомендуемой литературы, а также приложение, содержащее избранные труды по теории коммуникации.

Пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальности «Журналистика».

Рецензенты:

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» Е.А. Додыченко

УДК 81'1 (075.8)

ББК 81.я73

С77

Пособие издано в авторской редакции

© Е.В. Старостина, Н.Г. Шаповалова, 2014

Тема 1. Понятие коммуникации. Коммуникация и общение

Последнее столетие ознаменовалось масштабными изменениями в человеческой коммуникации. Только за два последних десятилетия люди пережили возникновение и массовое распространение двух новых коммуникативных технологий:

- мобильной телефонии, дополнившей классические электронные масс-медиа (радио, телевидение, стационарный телефон);
- Интернета, сделавшего возможной мировую коммуникацию и связавшего отдельные миры в единую сеть.

Огромный прорыв в развитии медиатехнологий привел к возникновению фундаментальной, обобщающей науки о коммуникациях – **теории коммуникации** (в англоязычной традиции – **коммуникативистики**, в русскоязычной – **коммуникологии**).

Одно из основополагающих понятий данной науки – «коммуникация» (от лат. *communicatio* ‘сообщение, передача’, *communicare* ‘делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать’). В 20-е годы XX века этот термин был введен в научный обиход американским социологом Чарльзом Хортоном Кули (1964-1929). В своей монографии «Социальный процесс» ученый называл им механизм, обеспечивающий существование и развитие человеческих отношений, который включает все мыслительные символы, средства их передачи в пространстве и сохранения во времени.

С тех пор термин «коммуникация» широко используется в кибернетике и теории информации. Во множественном числе (**коммуникации**) он называет технические системы, которые обеспечивают перемещение материальных предметов, веществ, энергии или информационных сигналов в пространстве (трубы, телефоны, факсы и т.п.). В единственном числе (**коммуникация**) означает:

- средства связи любых объектов живой и неживой природы, материального и духовного мира;
- вербальное и невербальное взаимодействие и взаимовлияние людей друг на друга (социальная коммуникация, собственно общение);
- передачу и массовый обмен информацией в обществе с целью воздействия на него (массовая коммуникация).

Особенности протекания информационных процессов в технических, биологических и социальных системах обуславливают необходимость выделения нескольких разновидностей коммуникации.

Передачу информации в живой природе подразделяют на **биокоммуникации** и **зоокоммуникации**. Биокоммуникации включают все способы связи в мире флоры, в частности связь растений с энергией солнца и почвой. К зоокоммуникациям относят обмен сигналами в мире фауны: язык дельфинов, танец пчелы-разведчика, нашедшей нектар, перед пчелами-фуражирами (заготовителями пищи), бои за добычу и брачные ритуалы птиц и животных, испанская коррида как танец лошади перед быком и пр. Передачу информации в созданных человеком технических устройствах, машинах и механизмах (транспорт, трубопроводы, телеграф, телефон, Интернет) называют **техническими коммуникациями**. Информационное взаимодействие в человеческом обществе определяют как **социальную коммуникацию (Human communication)**, или **общение**. Различные сферы общества, познавательно-трудовой и творческой деятельности людей, отраслевые особенности коммуникаций в экономике, политике, социальной сфере обуславливают выделение многочисленных видов социальной

коммуникации (бизнес-коммуникации, политические коммуникации, коммуникации в социальной работе и пр.).

Наиболее ярко сущность человеческого общения (социальной коммуникации) проявляется в сопоставлении с зоокоммуникациями.

<u>Признак</u>	<u>Зоокоммуникации</u>	<u>Социальная коммуникация</u>
Коммуникативное намерение	отсутствует (животные вступают в коммуникацию в силу унаследованных инстинктов и приобретенных рефлексов)	присутствует (человек сознательно стремится передать другому человеку информацию, зачастую предполагая, какой эффект она произведет)
Коммуникативные знания, умения, навыки	являются частью инстинктов, наследуются рефлекторно	являются частью традиции, приобретаются в общении
Усвоение кодовой системы другого вида	не возможно (животные различных видов практически не общаются друг с другом)	возможно (человек способен изучить иностранный язык; феномен билингвизма)
Форма коммуникации	невербальная (без слов)	вербальная (речевая, словесная)
Знаки	демонстрации (телодвижения, позы, звуки и пр.)	единицы языка (слова, предложения и пр.)
Семантика знаков	не имеют определенного значения (слишком просты и неопределенны вне общения, но в каждой ситуации чрезвычайно конкретны)	значение каждого знака уникально (единицы языка призваны отразить все многообразие объектов окружающей действительности, мыслей и чувств говорящего)
Знаковая система	закрота (новых сигналов не прибавляется)	открыта (пополняется новыми словами, морфемами и синтаксическими конструкциями)
	линейна (сигналы – готовые «предложения»: характеризуют ситуацию в целом, не делятся на меньшие элементы, не образующие текста)	иерархична (меньшие единицы служат для организации больших, образуют текст)

Обратим внимание, что понятия «коммуникация» и «общение» близки, но не совпадают. Их объединяет использование языка, связь с обменом и передачей информации. Отличают тип, связь, характер и сфера протекания.

<u>Признак процесса</u>	<u>Коммуникация</u>	<u>Общение</u>
Тип	информационный (духовный)	информационный (духовный), практический (материальный)
Связь	субъектно-объектная	субъектно-субъектная

	(есть отправитель и получатель сообщения)	(есть собеседники, соучастники общего дела)
Характер	однаправленный (монолог)	двунаправленный (диалог)
Сфера протекания	всюду, где передают и получают информацию	только между людьми

Общение является решающим фактором возникновения языка и речи. Участвуя в этом процессе, люди узнают психологические особенности друг друга, устанавливают контакты, обмениваются информацией (в том числе культурным и общественным опытом), организуют различные виды совместной деятельности.

Анализ действия естественного отбора на групповом уровне и изучение коммуникации животных позволили установить, что любая коммуникативная система предназначена не для выгоды особи, подающей сигнал, и не для выгоды особи, его принимающей. Она возникает, развивается и существует как механизм управления в системе популяции в целом, поскольку представители одного вида неизбежно конкурируют за ресурсы (территорию, пищу, укрытия, половых партнеров и т.п.). Коммуникативное взаимодействие помогает им распределить эти блага таким образом, чтобы этих благ (пусть и разного качества) в итоге хватило всем особям. Таким образом, средствами общения любая популяция, в том числе человечество во всех своих формах (от семьи до мирового сообщества), воспроизводит и организует себя.

Играя важную роль в общественных отношениях, социальная коммуникация имеет колоссальное значение для отдельной личности. В общении оформляются и проявляются социально-психологические и психологические особенности человека, приобретается его жизненный опыт. Каждый нуждается в общении, чтобы познать себя и войти в цивилизованное общество. В общении и через него происходит **социализация**, т.е. сложный процесс вхождения человека в то или иное национально-лингво-культурное сообщество, «врастания ребенка в цивилизацию» (А.Н. Леонтьев). Социализация начинается с рождения человека и заключается в трансляции культуры, основным каналом которой является язык. На начальном этапе социализации культура транслируется в том числе в виде фольклорных текстов и детской литературы (сказок, песен, стихов, игр).

Система внутренних ресурсов, необходимых человеку для достижения успеха в межличностном, корпоративном и деловом общении, называется **коммуникативной компетентностью**. В нее входят:

- уровень кода (вербальный опыт, владение необходимым набором языковых средств, знание правил их верного использования в соответствии со своими намерениями и интересами окружающих, умение сосредоточиться на искусности речи, навыки успешных публичных выступлений);
- когнитивный уровень (система ценностей, картина мира, познавательный опыт);
- прагматико-мотивационный уровень (ситуативный опыт, коммуникативные намерения, установки, мотивы, способности).

Коммуникативная компетенция – часть **коммуникативного потенциала**, т.е. возможностей человека, определяющих качество его общения (владение инициативой в общении, формирование и реализация индивидуальной программы общения).

Развитие коммуникативного потенциала предопределяет судьбу и успех человека в современном обществе. Так, специалисты Эдинбургского университета, несколько лет интервьюировавшие очень удачливых и ужасно невезучих людей, установили, что люди, чья жизнь полна счастливых шансов, чрезвычайно разговорчивы, коммуникабельны. Им постоянно везет просто потому, что они широко общаются с людьми, с которыми сталкиваются в повседневной жизни. «Удачники» выбирают работу, связанную с общением, а в свободное время активно поддерживают контакты с окружающими (встречаются с друзьями, ходят на вечеринки, заговаривают с незнакомцами). Постоянно

расширяя круг знакомых, они увеличивают возможность встретиться с людьми, которые могут помочь им в жизни, в том числе продвижении по службе. Таким образом, «удачники» подсознательно следуют одному из основных правил продвижения по карьерной лестнице в современном обществе, согласно которому успех обеспечивает не столько профессионализм (он воспринимается как нечто само собой разумеющееся), сколько мастерство общения.

Так, среди президентов США наибольшей популярностью у электората пользовались экстраверты. Их общительность и даже болтливость стали преимуществом в политической борьбе и управлении государством по двум причинам. Во-первых, американцы уверены, что глава исполнительной власти США обязан общаться с людьми, которые его выбрали. Во-вторых, текстовые послания (официальные речи, интервью, записи в блогах) позволяют президенту обращаться за поддержкой к общественности. Если эта поддержка предоставляется, у него появляется намного больше пространства для политического маневров и рычагов влияния, прежде всего на высший орган законодательной власти – Конгресс.

Таким образом, идет ли речь о президенте США или любом другом члене социума, в наши дни наиболее успешным оказывается не тот, кто более сведущ, а тот, кто участвует в большем количестве операций передачи информации (коммуникаций). Колоссальная значимость интеллектуального продукта, огромное количество его трансляций и активное тиражирование посредством системы высшего образования и СМИ приводят к тому, что в основе современного общества лежит умение всех и каждого работать с информацией. В связи с этим в начале 50-х годов прошлого столетия философы определили его как **информационное**. Особенно активно этот термин стал употребляться ближе к концу XX века, в связи со всеобщей информатизацией и компьютеризацией.

Литература:

1. *Большой Н. Алфавит медиа. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 136 с.*
2. *Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.*
3. *Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. – М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 464 с.*
4. *Вайзман Р. Фактор удачи. – М.: ЗАО «Мой Мир», 2004. – 224 с.: ил.*
5. *Гольдин В.Е., Сиротина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов: Учебное пособие. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 216 с.*
6. *Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2010. – 256 с.*
7. *Иванов Д. Общество как виртуальная реальность / Информационное общество. – СПб. – М.: АСТ, 2004. – С. 355-427.*
8. *Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Алфавит общения: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 240 с.: ил.*
9. *Лактионов А. Информационное общество: через тернии к звездам? / Информационное общество. – СПб. – М.: АСТ, 2004. – С. 5-6.*
10. *Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.*
11. *Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 296 с.: ил.*
12. *Психология личности. Учебное пособие. – М.: Эксмо, 2008. – 633 [3] с. – (Образовательный стандарт).*

13. Торп К. *Искусство непринужденной беседы*. – М.: Издательство «Омега-Л»: СмартБук, 2008. – 137 с.: ил., табл. – (ЛАБОРАТОРИЯ УСПЕХА. Бизнес-рецепты!).

Тема 2. Развитие средств коммуникации

В 60-е годы прошлого столетия известный канадский социолог и культуролог Херберт Маршалл Маклюэн (1911-1980) заметил, что «общественная жизнь зависит в большей мере от характера средств, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от содержания их сообщений» [Маклюэн 2004: 341]. Действительно, достижения науки и техники, которые создают языки общения или меняют способы производства, трансляции, хранения и использования информации, оказывают наибольшее влияние на человеческое мышление. Наиболее значимыми из них считаются переходы от устной культуры к буквенной и от буквенной – к цифровой.

Качественные скачки в изменении технических способов производства и передачи информации, социальных условий ее распространения и потребления ученые называют **коммуникационными революциями**. История социальной коммуникации насчитывает четыре коммуникационных революции, каждая из которых связана с появлением новых средств общения, удовлетворивших самые насущные потребности своего времени:

Коммуникационная революция	Средство Общения	Общественное значение
Первая	Язык	появляется совершенная система знаков для мгновенной реакции на происходящие события и участия в текущей ситуации (охоте, обороне, совместных трудовых действиях)
	письменность	появляется технология сохранения информации, далеко превосходящая память отдельного человека; происходит переход от первобытности к цивилизации
Вторая	печать, печатное размножение	начинается развитие средств массовой коммуникации
Третья	Пресса	человечество начинает жить в «печатном океане» социальной информации
	Радио	люди приобщаются к информационному богатству путем слухового восприятия событий; время и расстояние перестают быть препятствием для передачи сообщений
	телевидение	люди приобщаются к информационному богатству путем зрительного восприятия событий; человечество начинает жить в «электронном океане» социальной информации

<p style="text-align: center;">Четвертая (компьютерная)</p>	<p style="text-align: center;">персональные компьютеры, Всемирная сеть «Интернет»</p>	<p>люди получают доступ к мировым информационным ресурсам; появляется возможность обратной связи; открывается перспектива нового цифрового мира</p>
--	---	---

Первая коммуникационная революция прекратила господство невербальной коммуникации, характерное для первобытного общества. На смену мимике, жестам и ритуальным танцам пришла речь – процесс говорения, выраженный в звуковой форме. Организованная по законам языка, она позволила использовать его средства для выражения определенного смысла, т.е. реализовать мысль в слове.

Появление языка стало одним из важнейших этапов становления человека как разумного существа. «Увеличивавшийся словарный запас давал простор для совершенствования мозговой деятельности: в языковых знаках закреплялись мыслительные единицы (понятия) и целые структуры (суждения, умозаключения). В то же время накапливавшаяся в языке и его продуктах (текстах) информация непосредственно помогала человеку приспособляться к изменяющимся условиям внешней среды; homo sapiens получал дополнительный шанс выжить» [Норман 2009: 109].

Однако для закрепления опыта, накопленного предками, древним людям требовалась более совершенная технология сохранения информации, чем память отдельного человека. Неустойчивость устных продуктов во времени позволило преодолеть письмо.

Изначально его функцию выполняли разнообразные предметы и явления природы (камни, зерно, плоды, цветы, зарубки на деревьях, следы животных, охотничьи знаки и пр.), которым коммуниканты (как правило, жрецы) придавали условное значение. Например, сухая ветка сообщала о смерти вождя, стрела – о приглашении на охоту или объявлении войны. Яркими примерами такого предметного письма являются вáмпум ирокезов и кúпу инков и майя. Отправляя гонцов, ирокезы использовали пояса или жезлы с прикрепленными или нанизанными на них раковинами и бусами, цвета которых имели определенное значение. Так, белый означал мир и здоровье, черный – смерть вождя, а красный – начало войны. Древние инки и майя пользовались палочками с навязанными на них разноцветными шнурками с узелками. Характер сплетения таких узлов, их форма и уровень расположения имели символические значения.

Однако возможности подобных носителей информации были сильно ограничены: с их помощью можно было передавать только очень простые сообщения (указания, сигналы бедствий и пр.). Поэтому около 5 тысяч лет назад на смену **предметному письму** пришло **начертательное**. Оно передавало звучащую речь при помощи графических знаков. Науке известно три типа начертательного письма: пиктография (письмо рисунками), идеография (письмо понятиями) и фонография (буквенно-звуковое письмо).

Пиктография (от лат. *pictus* ‘писанный красками’, греч. *grapho* ‘пишу’) возникла в IV тысячелетии до н.э. Ее знаки – пиктограммы – похоже изображали предметы и явления действительности: живых существ (людей, животных), вещи (весло, лодка, оружие), жизненные ситуации (поездка, охота, война, труд). В связи с тем, что пиктограммы передавали только общую, основную идею высказывания, у них не было четкого значения. Они не принадлежали к конкретным частям речи и соответствовали не только словам, но и более крупным единицам языка (словосочетаниям, предложениям, текстам).

К примеру, знак солнца мог обозначать «солнце», «день» или «на следующий день, завтра». Знак птицы – «птица» или «летать».

Несвязанность пиктографии с формами языка, обучением чтению и письму делала ее удобной для общения разноязычных племен, но затрудняла графическую передачу отвлеченных понятий, потребность в которой все больше возрастала с развитием у людей абстрактного мышления. Эту задачу решила **идеография** (от греч. *idea* 'идея' и *grapho* 'пишу'), знаки которой передавали не слова в их грамматическом и фонетическом оформлении, а значения, которые за ними стоят.

Вначале эту функцию выполняли идеограммы – рисунки, которые могли передавать то, что изображено (наглядное содержание, прямое значение), или сопутствующее явление (отвлеченное содержание, переносное значение). Например, изображение глаза могло означать «глаз» или «зоркость», «бодрствование». Потребность в убыстрении письма и передаче более длинных и сложных текстов обусловила схематизацию рисунков. В результате возникли условные значки – иероглифы (от греч. *hieroglyphoi* 'священные письмена'). Для того, чтобы читать и писать иероглифы, жрецам, которые овладевали этим «тайным» знанием на протяжении всей жизни, нужно было знать очень большое количество знаков.

Однако в связи с развитием торговли, передвижений и с установлением государственности количество людей, которым было необходимо пользоваться письмом, значительно возросло. Это обусловило необходимость упростить способ письма. Наиболее эффективно эту задачу решала **фонография** (от греч. *phone* 'звучание' и *grapho* 'пишу'), которая передавала звучание человеческой речи. Это позволяло ограничить количество используемых знаков и создать удобный для запоминания алфавит.

«Самые древние алфавиты как эквивалентные системы между графическими знаками (буквами) и соответствующими им звуками, – это алфавиты, обнаруженные в Сирии (1450 г. до н. э.), консонантное (т.е. состоящее только из согласных) письмо семитских языков, финикийский алфавит (около 1300 г. до н.э.) и греческий консонантно-вокалический алфавит, 24 буквы которого содержали и гласные, и согласные звуки. От греческого письма ведут происхождение все системы письма европейских народов» [Гнатюк 2010: 44].

Вторая коммуникационная революция началась с изобретения немецким ювелиром Иоганном Гуттенбергом (между 1397 и 1400-1468) **техники подвижного шрифта**. В своей мастерской Гуттенберг изготовлял из металла подвижные выпуклые буквы, вырезанные в зеркальном отображении, набирал из них строки и с помощью специального пресса отпечатывал текст на бумаге. Библия, напечатанная на его станке в 1456 году, ознаменовала переход от устной культуры к книжной. Люди получили возможность массово производить и передавать информацию в компактной, сохраняемой долгое время и общедоступной для дальнейшего использования форме.

Третья коммуникационная революция связана с активным развитием печатных и электронных средств массовой информации. Наиболее ранним из них является **пресса** (от лат. *pressāre* 'давить, выжимать') – совокупность массовых периодических печатных и электронных изданий, предназначенных для массового читателя, – которая зародилась в XVII веке. Уже к началу первой мировой войны периодические издания (газеты, журналы и пр.) стали неотъемлемой частью общественной жизни многих стран. Благодаря прессе сведения об окружающем мире и происходящих событиях в скором времени поступали к

широкой аудитории, которую во много раз увеличили электронные формы трансляции – радиодиффузное и телевизионное вещание.

Звуковое вещание – **радио** – было бы невозможно без изобретения телеграфа, созданного американским изобретателем и художником Самуэлем Финли Бризом Морзе (1791-1872) в 1835 году. На рубеже XIX-XX веков беспроволочные телеграфные сообщения азбуки Морзе, которой пользовались моряки, получили дальнейшее развитие. В 1895 году в Петербурге инженер Александр Степанович Попов (1859-1905) осуществил первый сеанс беспроволочной радиосвязи. До этого момента обмен сведениями между людьми носил локальный характер. Возможность передавать на расстоянии речь и музыку стала сенсационным открытием, обусловившим бурное развитие систематического радиовещания по всему миру. В 1920 году оно появилось в США, в 1922 году – в Англии, Франции и России, а в 1923 году – в Германии. К 1925 году в мире вещало около 600 радиостанций. Вскоре радио начало активно транслировать новости, рекламу, развлекательные и обучающие программы, мыльные оперы и викторины.

Следующим технологическим изобретением, существенно изменившим способ обмена сведениями между людьми и государствами, стало **телевидение (ТВ)**, передававшее изображение и звук посредством радиочастотных и электромагнитных волн или по электрическому кабелю. Термин «телевидение» был введен в научный обиход нашим соотечественником – военным инженером Константином Дмитриевичем Перским (1854-1906) в уже конце XIX века. Однако научная теория передачи изображения на большом расстоянии была разработана несколько позже, в 1907 году, выдающимся отечественным физиком, инженером и педагогом Борисом Львовичем Розингом (1869-1933). Он осуществил свою идею в 1911 году, а пятью годами позже его талантливый ученик Владимир Кузьмич Зворыкин (1888-1982) создал электронно-лучевую трубку (кинескоп) – изобретение, позволившее начать массовое промышленное производство телевизоров.

Новое мощнейшее аудиовизуальное средство передачи информации получало все большее распространение, постоянно совершенствовалось и становилось доступнее. Черно-белое телевидение начало регулярно вещать в Германии в 1935 году. Британская широкоэмиттерная корпорация (Би-Би-Си) была создана всего год спустя, а Национальная радио и телеэмиттерная компания США (Эн-Би-Си) – в 1939 году. С появлением цветного изображения телевидение стало популярнее кино и радио. Прямые трансатлантические передачи и охватившие весь мир спутниковые трансляции позволили миллионам людей по всему миру оперативно получать новости из любой точки земного шара на любом языке. В результате «возникла сложная система международных связей в области информации, оказывающая большое и многообразное влияние на судьбы человечества» [Новиков 2011: 21].

Четвертую коммуникационную революцию совершили **электронная вычислительная машина (ЭВМ)**, изобретенная в середине 40-х годов XX века, **персональный компьютер**, созданный основателем фирмы «Apple» Стивом Джобсом в 1981 году, и **Всемирная сеть «Интернет» (Internet** – сокращение от Interconnected Network – «соединенные сети»), разработка концепции которой в 1973 году.

В отличие от классических масс-медиа, Интернет является цифровым, интерактивным средством общения. Если телевидение, радио и телефон «достигают стабильности благодаря внутреннему схематизму, а интерактивные медиа обретают стабильность благодаря обратной связи. Масс-медиа делают возможной мировую

коммуникацию путем расширения вещания, Интернет делает возможной мировую коммуникацию, связывая отдельные миры в сеть» [Большц 2011: 10].

Использование компьютеров в сетях – **сетевой компьютеринг** – позволило обеспечить адресацию тысяч профессиональных и непрофессиональных абонентов одновременно, предоставив им легкий доступ к большим распределительным базам данных. Сеть становится многофункциональным глобальным хранилищем мировых информационных ресурсов, общедоступным средством массовой коммуникации, площадкой экономических, политических и административных операций, средством социализации, местом проведения досуга и религиозных действий. «Сетевой компьютеринг – мощное средство информационного объединения стран и народов, предпосылка их экономической и политической интеграции и вражды» [Новиков 2011: 22].

Литература

1. Ажеж К. *Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки.* – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 304 с.
2. Баранникова Л.И. *Введение в языкознание: Учебное пособие.* – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 392 с.
3. Большц Н. *Азбука медиа.* – М.: Издательство «Европа», 2011. – 136 с.
4. Вендина Т.И. *Введение в языкознание: Учеб. пособие.* – М.: Высшая школа, 2001. – 288 с.
5. Гнатюк О.Л. *Основы теории коммуникации: учебное пособие.* – М.: КНОРУС, 2010. – 256 с.
6. Маклюэн М. *Средство само есть содержание // Информационное общество.* – СПб. – М.: АСТ, 2004. – С. 341-348.
7. Новиков В.К. *Информационное оружие – оружие современных и будущих войн.* – М.: Горячая линия – Телеком, 2011. – 264 с.: ил.
8. Норман Б.Ю. *Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие.* – М.: Флинта: Наука, 2009. – 296 с.: ил.
9. *Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. В 9 тт. Т. 7. Народы и культуры.* – М.: Издательский Дом «ИНФРА-М», Издательство «Весь мир», 2002. – 416 с.
10. Реформатский А.А. *Введение в языковедение: Учебник для вузов.* – М.: Аспект Пресс, 2007. – 536 с.
11. Стариченок В.Д. *Большой лингвистический словарь.* – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811[1] с. – (Словари.)
12. *Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык.* – М.: Аванта+, 2005. – 704 с.: ил.

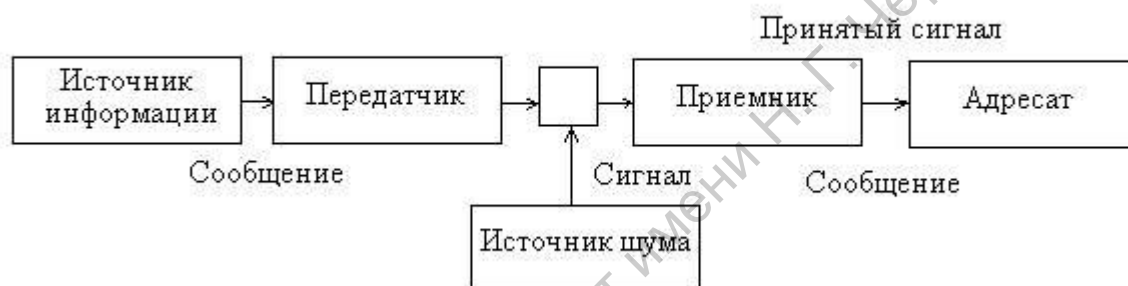
Тема 3. Модели общения

Специалисты по теории коммуникации создали множество моделей, отражающих наиболее общие закономерности передачи информации в различных системах. Их объединяет наличие **инициатора (отравителя, адресанта, передатчика)**, который составляет и отправляет **набор знаков (послание, сообщение)** через определенный **канал** к **реципиенту (получателю, адресату, приемнику)** сообщения, который воспринимает и интерпретирует значение послания.

Одна из первых таких моделей – **лингвистическая** – была разработана выдающимся отечественным языковедом Романом Осиповичем Якобсоном (1896-1982), который ввел понятие коммуникации в языкознание. Ученый заметил, что люди кодируют

передаваемую информацию посредством языковых знаков, выявил базовые элементы акта коммуникации и соотнес их с основными функциями языка. Однако ориентация разработанной на речевое общение не позволяла перевести эту модель в количественные понятия и применить к техническим коммуникациям.

Специфику передачи сигналов в инженерно-технических теле- и радиосистемах отразила линейная информационно-математическая модель коммуникации, созданная американским инженером Клодом Элвудом Шенноном (1916-2001) в 1949 году. Стремясь отделить шумы (искажения, помехи в техническом канале коммуникации), ученый определил информацию как уменьшение неопределенности и абстрагировался от смысла передаваемых сообщений. Поставив информацию в один ряд с такими физическими величинами, как масса и энергия, Шеннон сосредоточился на ее количестве и пропускной способности канала. В результате получилась схема, аналогичная системе транспортировки бревен из лесозавода в другой пункт:

Как пояснял Шеннон, она «состоит из источника информации, который вырабатывает первичную информацию, или сообщения, предназначенные для передачи; передатчика, который кодирует или модулирует эту информацию подходящим для канала способом; и канала, по которому закодированная информация, или сигнал, передается к пункту приема. Во время передачи сигнал может быть искажен шумом <...>. Принятый сигнал идет к приемнику, который декодирует или демодулирует его, чтобы восстановить первоначальное сообщение, а затем к пункту назначения информации» [Шеннон 2004: 24]. При этом ученый подчеркивал, что введенные им элементы связи следует интерпретировать, опираясь на канал коммуникации. «В телевидении, например, источником информации является передаваемая сцена, сообщением – выходной сигнал телекамеры и сигналом – выходной сигнал передатчика» [Там же: 24-25]. Таким образом, модель, созданная Шенноном, позволяла описывать коммуникацию во всех системах. Благодаря подобной универсальности ее считают базовой.

Доступной интерпретацией и популяризацией научных трудов Шеннона, написанных сложным языком математических формул, занимался директор Отдела естественных наук Фонда Рокфеллера Уоррен Уивер (1984-1978). Поэтому сейчас линейная информационно-математическая модель коммуникации известна как «**модель Шеннона-Уивера**» или «**информационно-кодовая (сокращенно – кодовая) модель**». Она широко используется в современных технических моделях связи, поскольку позволяет измерить качество перемещения информации от источника к получателю и выявить технические и семантические (смысловые) барьеры, т.е. оценить эффективность коммуникации.

В соответствии с моделью Шеннона-Уивера, коммуникация считается успешной, если к получателю сообщение пришло в том же виде, в каком его отправил источник. Случаи, когда отправленное сообщение не было получено или подверглось искажению (замене части знаков на другие и т.п.), называются **коммуникативными неудачами**. В технических устройствах, машинах и механизмах они могут быть обусловлены

неисправностью передающего и принимающего устройств или влиянием посторонних физических явлений, искажающих или полностью «забывающих» сигнал. В общении между людьми коммуникативная неудача представляет собой «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Формановская 2007: 353]. Это может быть обусловлено недостаточно острым слухом получателя сообщения, плохой дикцией или неразборчивым почерком его отправителя, а также различными социально-культурными, психосоциальными и собственно языковыми причинами. Например, участники общения могут владеть разными вариантами одного языка, говорить на разных языках или принадлежать к разным культурам.

Важно отметить, что при всей своей универсальности информационно-кодовая модель не дает полного представления о социальной коммуникации. Общаясь друг с другом, люди обмениваются отдельными высказываниями. Каждый разговор представляет собой цепочку попеременных действий каждого участника, где действие одного влечет ответное действие второго. Люди то и дело меняются ролями получателя и отправителя. При этом, исполняя роль адресата, человек не просто декодирует посланный сигнал, а понимает цель адресанта и отвечает не столько на само сообщение, сколько на понятое глобальное коммуникативное намерение собеседника. Активная роль получателя заключается в том, чтобы понять, т.е. «найти те отношения (связи) между сообщением и ситуацией общения, которые с точки зрения автора высказывания делают это высказывание целесообразным, оправданным в данных конкретных условиях» [Гольдин, Сиротина, Ягубова 2008: 14]. Именно они составляют смысл послания. «О понимании можно говорить лишь тогда, когда улавливается и смысл сообщения» [Там же]. Таким образом, понимание является сутью социальной коммуникации, наиважнейшей ее составляющей. Как заметил в своем интервью выдающийся отечественный лингвист, семиотик, антрополог и философ Вячеслав Всеволодович Иванов (род. в 1929), «в каждом из нас есть нечто, что больше мозга, сознания. В моем мозге, например, помещаются способности, которые реализуются в том, что я – ученый. А вот в том, что мы с вами можем сейчас общаться и, даже не всегда находя верные слова, понимать и доверять друг другу, – в этом уже состоит выдающаяся особенность человека. Которая вряд ли находится в мозге или каком-то другом органе. А где же? Я не знаю» [Иванов 2014: 83].

Вот почему кодовую модель необходимо усовершенствовать за счет включения в нее следующих компонентов:

- 1) когнитивного (совокупности знаний участников коммуникации о языке, мире и пр.);
- 2) функционально-коммуникативного (мотивов коммуникативного поведения участников общения, их целей, планируемых ими результатов, и оценки реальных результатов их информационного взаимодействия);
- 3) социального (сведений об общественной обусловленности коммуникативного взаимодействия получателя и отправителя);
- 4) психологического (индивидуально-психологических особенностей участников общения: их темпераментов, профилей функциональной асимметрии мозга, характеров и пр.);
- 5) дискурсивного (сведений об условиях, ситуации общения).

Литература:

1. Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. – М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 464 с.
2. Гольдин В.Е., Сиротина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов: Учебное пособие. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 216 с.

3. Гнатюк О.Л. *Основы теории коммуникации: учебное пособие.* – М.: КНОРУС, 2010. – 256 с.
4. Иванов В.В. *Мы развиваемся рывками – и не всегда это рывки вперед* // *Psychologies*, 2014. – № 101. – С. 81-83.
5. Назарчук А.В. *Теория коммуникации в современной философии.* – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
6. *Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. В 9 тт. Т. 7. Народы и культуры.* – М.: Издательский Дом «ИНФРА-М», Издательство «Весь мир», 2002. – 416 с.
7. Седов К.Ф. *К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах ролевого портретирования)* // *Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. науч. сб. тр.* – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 6-29.
8. *Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика.* – М.: Икар, 2007. – 480 с.
9. Шеннон К.Э. *Современные достижения теории связи / Информационное общество.* – СПб. – М.: АСТ, 2004. – С. 23-40.

Тема 4. Разновидности общения

Общение представляет собой очень сложное явление, поэтому существует несколько различных классификаций видов общения, которые строятся на разных основаниях.

1. Опосредованное – непосредственное общение

Непосредственное общение – это общение, при котором соблюдается единство времени и места и не используются **искусственные средства коммуникации**. При непосредственном общении говорящий и слушающий находятся в одном месте и в одно время, могут задавать друг другу вопросы и тут же получать ответы на них, могут видеть реакцию друг друга, т.е. между ними существует обратная связь. Невыполнение хотя бы одного из условий (отсутствие единства времени или места либо использование искусственных средств коммуникации) делает общение **опосредованным**. Например, общение студентов, находящихся в одной аудитории, с помощью записок является опосредованным, поскольку они используют искусственные средства коммуникации (бумагу и ручку).

Искусственными средствами коммуникации являются все те средства, которые человечество придумало для передачи информации, начиная от ручки и бумаги и заканчивая радио, телевидением и интернетом.

При непосредственном общении коммуниканты могут использовать только **естественные** средства коммуникации, к которым относятся тело человека (в процессе общения человек использует не только слова, но и мимику, жесты, позы, все это называется невербальными средствами коммуникации), а также окружающую обстановку и отдельные предметы, не предназначенные специально для передачи информации (на них говорящий может, например, указывать в процессе общения).

Искусственные средства коммуникации обладают массой достоинств – они позволяют передавать информацию в пространстве и во времени, копировать и размножить ее и т.д. Но они имеют и ряд недостатков: например, возможности передачи чувств, эмоций при опосредованном общении существенно ограничены. Даже такое достижение современной научной мысли, как видеосвязь, не позволяет в полной мере заменить непосредственное общение, многие нюансы непосредственного общения видеосвязь не в состоянии передать.

Непосредственное общение является исходным и основным, первичным. Оно господствует в бытовой сфере. Опосредованное общение производно от непосредственного, надстраивается над ним. В коммуникации люди зачастую стремятся приблизить опосредованное общение к непосредственному, создать иллюзию

непосредственности. Не случайно так популярны различные телепередачи, в которых зрители присутствуют непосредственно в студии (непосредственно общаются с ведущим), а телезрители могут позвонить в студию и задать вопрос в прямом эфире.

2. Вербальное – невербальное общение

Невербальные компоненты коммуникации (НВКК) – это все несловесные компоненты общения – мимика, жесты, позы, особенности использования пространства, тембр, общая звуковая окраска речи, ее темп. НВКК встречаются не только в устной, но и в письменной речи. Для рукописного текста – это особенности почерка, характер бумаги, для печатного – шрифт, картинки, графики, схемы, «смайлики», мультимедийные компоненты и многое другое.

Существует множество ситуаций общения без слов, т.е. только невербального общения. А вот ситуаций исключительно вербального общения не существует. Естественная устная речь непременно окрашена определенной интонацией, обладает своим тембром, совершается в конкретном темпе, в любом письменном тексте присутствуют невербальные компоненты (он написан на определенной бумаге, небрежно, с пометками, или старательно, красивым почерком, напечатан определенным шрифтом и т.д.). Невербальные компоненты передают какую-либо новую информацию, не выраженную словами, либо дополняют и уточняют то, что выражено вербально.

Таким образом, различая вербальное и невербальное общение, нужно помнить, что чаще всего они выступают вместе, причем вербальное общение всегда сопровождается элементами невербального или даже сливается с ним.

Существует несколько классификаций НВКК. Как отмечает И.А. Стернин, невербальные сигналы делятся на симптомы, символы и знаки.

Симптомы – это невербальные явления, которые проявляются бессознательно, отражают психическое и физическое состояние человека (например, человек краснеет, когда волнуется).

Символы – результаты проявления т.н. социального символизма – символического значения, приписываемого социум определенным предметам, явлениям и действиям. Например, длинные волосы у мужчины – символ артистической натуры. Символы имеют ярко выраженную национальную специфику.

Знаки, или собственно невербальные сигналы – автоматизировано или сознательно продуцируемые невербальные действия, имеющие в данной культуре определенный знаковый смысл, стандартное значение.

Невербальные знаки включают в себя:

- Знаки языка телодвижений (взгляд, мимика, поза, осанка, походка и т.д.);
- Знаки организации пространства (проксемические знаки);
- Знаки отсутствия говорения (молчания).

Среди невербальных знаков самую большую группу составляют жесты, которые, в свою очередь, делятся на:

- Номинативные – заменяют, дополняют или дублируют вербальные сигналы («проходите», «который час?», «фотографировать»);
- Эмоционально-оценочные – выражают оценку чего-либо (одобрение, неодобрение);
- Указательные – выделяют предмет, ориентируют собеседника;
- Риторические – усиливают содержание, акцентируют внимание на чем-либо;
- Игровые, шуточные – используются для игры, развлечения (рожки, нос);
- Магические – используются в суеверных, магических целях (креститься, скрестить пальцы).

Значительное число жестов совпадает у разных народов, но на этом фоне ярко выделяются национально-специфические жесты. Например, широко известный жест «о'кей» во Франции означает ноль, а в Японии – деньги. Жест «палец вверх» в Греции имеет значение «заткнись», а в Германии и Италии так обозначается цифра 1.

Показывание мизинца у американцев означает «плохо», у японцев этот жест имеет значение «любовница».

3. Виды общения в зависимости от субъектов общения

Различные стороны общения не полностью самостоятельны по отношению друг к другу. Напротив, между ними обнаруживаются устойчивые связи, взаимозависимости. Это позволяет представлять разновидности общения не способом классификации по всем возможным основаниям, а через систему типов, характеризующих общение через комплексы закономерно связанных между собой признаков.

Так, исследователь М.С. Каган считает, что ведущим признаком типа общения, обуславливающим и другие характеристики коммуникации, является система действующих в общении лиц, **субъектов общения**. При таком подходе к описанию общения выделяются 4 основных типа:

1 – общение с реальным партнером:

1а – межличностное общение,

1б – представительское и ролевое общение,

1в – групповое общение (публичное и массовое),

1г – общение культур.

2 – общение с иллюзорным партнером,

3 – общение с воображаемым партнером,

4 – общение воображаемых партнеров.

Рассмотрим эти типы подробнее. **Общение с реальным партнером** существует в нескольких разновидностях. Вариант 1а – **межличностное общение**: партнеры выступают в нем как индивидуальности, т.е. в общении на первый план выходят любые их индивидуальные, особенные черты и свойства (примеры такого типа общения – дружеская беседа или семейный скандал).

Вариант 1б образуют **представительское и ролевое общение**. В представительском общении партнеры по коммуникации выступают как представители определенных социальных групп, обществ, организаций, и именно эти их качества важны в коммуникации, выдвигаются на передний план. Поведение людей в представительском общении нередко характеризуют как **ролевое**. Эти разновидности общения объединяет то, что как в представительском, так и в ролевом общении индивидуальные признаки общающихся не должны учитываться. Во многих случаях представительское и ролевое общение, действительно, полностью совпадают, однако не всякая коммуникативная роль определяется тем, что человек выступает представителем некой социальной группы. Возможны и иные роли, например «психологические» роли возмутителя спокойствия, миротворца, типичного пессимиста, неисправимого оптимиста и т.п.

Межличностное общение (вариант 1а) не может быть официальным. Представительское – обычно бывает официальным, но степень его официальности может быть разной.

Вариант 1в – **групповое общение**. Это общение между целыми группами людей или общение одного человека с группой (группами) людей. Разновидности последнего – **публичная и массовая коммуникация**.

Чем публичное общение отличается от массового? При публичном общении адресат в целом известен, находится в поле зрения говорящего. Например, выступление с докладом, лекция, религиозная проповедь, парламентская речь – во всех этих случаях говорящий видит аудиторию, знает, кто перед ним находится, аудитория может задавать говорящему вопросы. При массовой коммуникации адресат находится вне поля зрения автора текста, он лишь прогнозируется, исчисляется. Например, периодическая печать, радио, телевидение, интернет – все это средства **массовой** коммуникации, журналист не знает, кто будет слушать его передачу или читать его статью, он лишь предполагает, что это будет за аудитория.

Массовая коммуникация – опосредованное общение преимущественно однонаправленного характера, поэтому ее характеризуют как воздействие, а не как взаимодействие субъектов общения.

Многие исследователи (философы, социологи, психологи, лингвисты) обращают внимание на то, что широкое распространение в последнее время именно опосредованного общения несет в себе ряд существенных угроз:

«Образую гигантскую и все более расширяющуюся область опосредованной коммуникации, СМИ применяют немало приемов, позволяющих хотя бы отчасти (обычно только внешне) уменьшить степень опосредованности того общения, для которого они предназначены. Это, например, так называемый “прямой эфир” на радио и телевидении, интерактивные опросы аудитории, различные “шоу” с присутствием части зрителей прямо в студии во время записи программы, а также “форумы”, “конференции”, “чаты” (англ. chat – ‘дружеский разговор, беседа, болтовня’) и другие возможности, которые предоставляет пользователям Интернет. И все же доля опосредованного общения в человеческой коммуникации, в значительной мере вследствие деятельности современных электронных СМИ, неуклонно увеличивается, а доля непосредственного общения людей соответственно уменьшается. Это вызывает беспокойство философов, социологов, психологов, педагогов, законодателей, так как СМИ, распространяя большие объемы информации, активно (и эффективно) организуя массовую аудиторию, способны оказывать на нее не только положительное воздействие. Они могут способствовать и стандартизации культуры в ее примитивных вариантах, установлению господства массовых идеологий, ослаблению индивидуального начала в человеческом сознании и поведении» [Гольдин, Сиротина, Ягубова 2008: 28].

Вариант 1г – общение культур. Нет ни одной культуры, которая развивалась бы в абсолютной изоляции от других культур. Не существует и абсолютно однородных, внутренне совершенно цельных культур.

Основное воплощение культуры – тексты, и в отношении к текстам и языкам иных культур, в их изучении, понимании, усвоении, заимствовании или в их отторжении, запрещении, уничтожении, подмене другими текстами осуществляются диалоги культур, межкультурная коммуникация. Существует несколько способов взаимодействия культур. Во-первых, чужая культура может отторгаться, такое явление обозначается термином «ксенофобия», т.е. боязнь всего чужого. Во-вторых, чужая культура может приниматься за образец для подражания, тогда представители другой культуры слепо следуют образцам чужой культуры, бездумно заимствуя все – и хорошее, и плохое. Такое явление обозначается термином «мания» (ср.: англомания, франкомания, американомания и т.п.). И, наконец, может осуществляться разумный диалог культур, когда культуры обмениваются своими лучшими образцами, при этом развиваясь и обогащая друг друга.

Под «общением с иллюзорным партнером» понимается коммуникативное взаимодействие человека с животными, природой, вещами. К «воображаемым объектам» относят мифологические существа, художественные образы, представление самого себя в качестве отдельного субъекта, с которым можно общаться (так называемое «второе Я»). «Общение воображаемых партнеров» – это общение персонажей в мире художественного произведения.

4. Варианты общения с функциональной точки зрения – информативное, регулятивное и фатическое общение

С функциональной точки зрения на первое место выходит **цель** общения. В общении **информативном** основной целью является изменение знаний адресатов путем сообщения им определенной информации. Существует множество жанров информативного общения – например, к информативным относится большинство жанров СМИ (новости, очерк, репортаж и мн.др.). Не случайно аббревиатура СМИ расшифровывается как «средства массовой информации».

Регулятивное же общение прямо направлено на организацию или реорганизацию коммуникативного коллектива; посредством регулятивного общения мы непосредственно управляем друг другом как участниками общения. К жанрам регулятивного характера относятся такие жанры межличностного общения, как представление или обращение, а также многие формы делового общения – приказ, распоряжение, постановление.

Целью **фатического** общения является само общение. Фатическое общение – это общение ради самого общения. Наиболее типичными примерами такого рода общения являются дружеская болтовня и светская беседа. Например, светское общение преследует несколько целей: во-первых, заполнить время беседой, во-вторых, продемонстрировать принадлежность общающихся к одной группе, и в-третьих, соблюсти принятый в обществе для данного типа ситуаций ритуал. В светском общении существуют многочисленные табу и ограничения (например, на выбор тем для разговора), регламентирована общая тональность разговора, определены многие другие параметры общения. Так, светское общение не предполагает глубоких дискуссий, споров, столкновений мнений, а, наоборот, исключает их. Это взаимно приятный, ни к чему формально не обязывающий разговор на общие темы, основная цель которого – провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте.

Литература:

1. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. *Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов: Учебное пособие.* – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 216 с.
2. Каган М.С. *Мир общения: проблема межсубъектных отношений.* – М.: Политиздат, 1988. – 319 с. – (Над чем работают, о чем спорят философы).
3. Мечковская Н.Б. *Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев.* – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
4. Стернин И.А. *Введение в речевое воздействие.* – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 252 с.
5. Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие.* – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.

Тема 5. Функции языка и речи

1. Функции языка и речи по отношению к человечеству в целом

Если рассматривать язык с философской точки зрения, то основное назначение языка – быть средством общения, средством коммуникации. Однако кроме этого язык выполняет еще одну очень важную функцию – является средством формирования мысли. Так, Алиса, героиня книги Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» на вопрос «О чем ты думаешь?» отвечала так: «Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу – тогда узнаю». Таким образом, язык выполняет две важнейших функции – **коммуникативную** и **мыслеоформительную**.

Коммуникативная функция, или функция сообщения – связана с осуществлением и регулированием связей внутри человеческого сообщества, с обслуживанием информационных потоков.

Мыслеоформительная (когнитивная) функция, или функция обобщения – связана с формированием (оформлением) мысли как для других, так и для самого себя, с воплощением в речи (языке) реального мира и различных воображаемых миров. Язык, а точнее система языковых значений, участвует в процессе предметного восприятия и формирования представлений, понятий, суждений, умозаключений; язык участвует в различных мыслительных операциях (сравнении, анализе, синтезе и т.п.), а также в механизмах памяти.

Абсолютно строго разделить эти функции, провести между ними четкую границу невозможно, так как они взаимосвязаны и взаимообусловлены, не существуют одна без другой.

2. Функции различных языков по отношению к исторически конкретным обществам, коллективам, т.е. социальные функции языков

В каждом конкретном человеческом коллективе язык и речь выполняют различные функции, связанные со сферой общения (бытовая, деловая, научная, религиозная и др.), с разновидностью языка (литературный язык, диалект, просторечие, жаргон). В связи с этим можно говорить о множестве различных функций, которые выполняет каждый конкретный вариант языка в каждой конкретной коммуникативной ситуации, например, о функциях бытового, делового, производственного общения и т.п.

3. Функции речевых действий с точки зрения их целей

В этом случае в качестве функций рассматриваются цели, на достижение которых направлены речевые действия. Цели речевых действий могут быть различными. Мы высказываемся, чтобы *информировать, попросить, напомнить, упрекнуть, обещать, разъяснить, похвалить* и т.д. В каждом языке существуют сотни и тысячи слов для обозначений целей речевых действий.

Исследованием функций языка в таком ракурсе занимались авторы теории речевых актов: английский философ, лингвист Джон Лэнгшо Остин (1911-1960) и его ученик – американский философ Джон Роджерс Сёрль (р. в 1932). Как писал Дж. Остин, в речевых актах участвуют говорящий и адресат, которые выступают как носители определенных социальных ролей, или функций. В состав речевого акта входит обстановка речи (контекст) и тот фрагмент действительности, который обсуждается. Выполнить речевой акт значит:

- произнести членораздельные звуки, принадлежащие общепонятному языковому коду; построить высказывание из слов данного языка по правилам его грамматики;
- снабдить высказывание смыслом и значением (т.е. соотнести его с действительностью), осуществив речение (англ. Locution);
- придать речению целенаправленность (англ. Illocution);
- воздействовать на сознание или поведение адресата, вызвать искомые последствия (англ. Perlocution).

Следовательно, следует различать три типа речевых актов:

1. *Локутивный* – акт говорения самого по себе, акт-констатация. Например, «Он сказал мне: застрели ее».
2. *Иллокутивный* – выражает намерение другому лицу, намечает цель. По сути дела, такого рода акт – это выражение коммуникативной цели. Например, «Он побуждал меня застрелить ее».
3. *Перлокутивный* – вызывает целенаправленный эффект и выражает воздействие на поведение другого человека. Цель такого акта состоит в том, чтобы вызвать искомые последствия. Например, «Он уговорил меня застрелить ее».

Строго говоря, три типа речевых актов не существуют в чистом виде, в любом из них присутствуют все три момента: локутивный, иллокутивный, перлокутивный.

Кроме того, Остин выделял особые речевые акты – высказывания, которые являются осуществлением действия, высказывания, равные действию, и называл их *перформативными* высказываниями. Например, «Объявляю вас мужем и женой». Такого рода высказывания не являются описаниями, поэтому к ним неприменимо различие истинно / ложно. Они осуществляют некоторое действие: обещание, уговаривание, приказывание, предупреждение. Остин считал, что любой язык в первую очередь перформативен (от англ. performance – представление). К перформативным высказываниям неприменима характеристика истинности / ложности, их оценку можно дать только с позиции выполнимости / невыполнимости.

Речевые акты могут быть **прямыми** и **косвенными**. Для самых общих классов речевых актов языки выработали специальные синтаксические структуры – повествовательные, побудительные, вопросительные предложения. Например, речевой акт вопроса выражается вопросительной синтаксической структурой, речевой акт утверждения – повествовательной. Это прямые речевые акты. В косвенных речевых актах грамматическая структура не соответствует намерению говорящего: например, вопросительная фраза «*Нет ли у вас спичек?*» может выражать просьбу, а не вопрос.

Зачастую косвенные речевые акты применяются для вежливого выражения просьбы (ср.: *Не могли бы вы...*). При этом любой носитель языка осознает, что имеет дело не с актом вопроса, а именно с актом просьбы. Однако не во всех случаях косвенный речевой акт оказывается более вежливым. Косвенные упреки, обвинения и т.п. задевают адресата гораздо сильнее, чем прямые (ср.: *Почему ты никогда не кладешь свои вещи на место?*).

4. Функции как компоненты речевой (коммуникативной) ситуации

О том, что собой представляет речевая ситуация и из каких компонентов она состоит, речь шла в предыдущих разделах. Еще раз перечислим шесть основных компонентов речевой ситуации:

1. получатель сообщения (адресат);
2. отправитель сообщения (адресант);
3. предмет речи;
4. контакт между коммуникантами (канал связи);
5. язык общения (код);
6. само высказывание.

Кроме того, выделяется седьмой, необязательный (факультативный) компонент. Это наблюдатель. Необязательным он является потому, что присутствует не в каждой речевой ситуации. Однако существует достаточно много примеров речевых ситуаций, в которых присутствует наблюдатель, и речь говорящего может быть формально адресована слушающему, а на самом деле – некому наблюдателю, который не является формальным адресатом.

По отношению к каждому из компонентов речевой ситуации высказывание выполняет свою функцию. По отношению к **адресату** высказывание выполняет **апеллятивную** функцию, т.е. функцию воздействия. Воздействие может прямым, открытым, как, например, в приказах, просьбах, а может быть неявным, скрытым, а зачастую и нечестным, иметь характер манипулирования.

По отношению к **адресанту** высказывание выполняет **экспрессивную** функцию. Автор высказывания всегда так или иначе проявляет себя в речи (часто бессознательно). Говорящий (пишущий) демонстрирует свой уровень владения языком, свое образование, социальную принадлежность, свое отношение к теме, к собеседнику, свое состояние и многое, многое другое.

По отношению к **предмету речи**, т.е. к окружающему миру, выступающему в качестве темы высказывания, последнее выполняет **репрезентативную** функцию, т.е. представляет, репрезентирует мир.

По отношению к **каналу связи (контакту)** высказывание выполняет **контактоустанавливающую** функцию. Она заключается в том, что высказывание так или иначе несет в себе признаки адресата, т.е. по нему с большей или меньшей определенностью можно судить о том, для кого оно делается, на кого рассчитано.

По отношению к **языку (коду)** высказывание выполняет **метаязыковую** функцию. Она проявляется, во-первых, в том, что любое высказывание несет в себе информацию о языке, поскольку может служить образцом, по которому строятся подобные ему высказывания. Во-вторых, проявлением метаязыковой функции является способность

речи обозначать, описывать язык, делать его темой высказываний. Метаязыковую функцию в этом смысле выполняют грамматики, словари, посвященные языку статьи и другие речевые произведения.

Высказывание может быть направлено не только на внешний мир, но и **само на себя**. В общении людям обычно интересно как то, **что** сказано, так и то, **как** это сказано. Данная функция присуща в первую очередь художественной речи, поэтому получила название **поэтической**.

Поэтическая функция речи так же универсальна, так же является неотъемлемым свойством речи, как и репрезентативная, экспрессивная, апеллятивная, контактоустанавливающая и метаязыковая. Все они накладывают на речь свой отпечаток, но в каждом конкретном случае общения одна из функций (или некоторая группа функций) оказывается главной, ведущей, выдвигается на передний план, не отменяя, но всё же заметно ослабляя проявление в речи остальных. С этим явлением связано существование **речевых жанров**.

Литература:

1. Гольдин В.Е., Сиротина О.Б., Ягубова М.А. *Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов: Учебное пособие*. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 216 с.
2. Остин Дж. Л. *Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов*. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-130.
3. Мечковская Н.Б. *Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев*. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.

Тема 6. Особенности межличностной и массовой коммуникации

Исследователи социальной коммуникации противопоставляют межличностную и массовую коммуникацию.

Межличностную (интерперсональную) коммуникацию определяют как «процесс обмена сообщениями и их интерпретациями двумя или несколькими индивидами, вступившими в контакт друг с другом» [Гнатюк 2010: 63]. Это сложная, многогранная, многоуровневая специфическая деятельность, главным инструментом которой выступает личность. В общении происходит становление человека, проявляется его сущность, социально-психологические и психологические свойства и качества.

Межличностной коммуникации присущи:

- 1) неизбежность (общение – условие жизнедеятельности человека, его главная социальная потребность);
- 2) необратимость (сказанное не вырубишь топором);
- 3) тесная обратная связь (адресат реагирует на принятое сообщение и возвращает образы и представления о ситуации общения партнеру);
- 4) богатство вербальных и невербальных кодов (человек предьявляет отношение к партнеру и обращается к нему в различных речевых и неречевых формах выражения);
- 5) поэтапность (общение проходит в своем развитии определенные этапы);
- 6) ситуационные факторы (коммуникацию обуславливают цели, правила, роли, действия, последовательность поведения, понимание ситуации, физическая среда, язык и речь, трудности и навыки общения, коммуникативный стиль).

Основной целью межличностной коммуникации является адресат, который также проявляет активность (АДРЕСАНТ↔АДРЕСАТ). Результатом усилий партнеров по общению становится уровень взаимопонимания, сочувствия, сложившаяся система взаимоотношений.

Их достижение требует времени, поэтому общение включает несколько циклов, каждый из которых завершается решением определенной коммуникативной задачи. Так, любое общение начинается с ориентировочного этапа, на котором происходит выбор партнера и формирование первого впечатления о нем. Здесь важны пространственно-временные характеристики общения, поведение партнеров, их эмоционально-эстетическая привлекательность. На втором этапе адресант предьявляет себя партнеру, устанавливает с ним контакт, демонстрируя желательные, привлекательные для другого черты характера и навыки, обозначая свой социальный статус. На третьем этапе партнеры проявляют взаимную заинтересованность, уточняют впечатление друг о друге. На четвертом этапе они обмениваются мыслями, чувствами и мнениями. В конечном итоге, узнавание интересов, позиций, установок, ценностей и мировоззрения друг друга, которые составляют их неповторимость, духовно обогащает обоих.

Выделяют три типа межличностного общения:

- 1) императивное (директивное, авторитарное): адресант контролирует поведение, установки, мысли адресата и принуждает его к определенным действиям;
- 2) манипулятивное: адресант намеренно, но скрыто побуждает адресата к действиям, противоречащим его интересам и убеждениям;
- 3) диалогическое (гуманистическое): адресант и адресат стремятся узнать друг друга, уважают мнение и позицию партнера по общению, проявляют взаимное доверие.

Массовой коммуникацией называют «процесс распространения информации (знаний, духовных ценностей, моральных и правовых норм и т.п.) с помощью технических средств (печать, радио, кинематограф, телевидение) на численно большие, рассредоточенные аудитории» [Гнатюк 2010: 64]. Эта специфическая форма коммуникации возникла благодаря использованию технических средств размножения и передачи сообщений.

Массовой коммуникации присущи следующие признаки:

- 1) адресант – специальные организации и институты (рекламные агентства, редакции газет и журналов, телеканалы, правительство, политические партии, общественные организации, террористические группировки и пр.);
- 2) адресат – обширная, анонимная, разнородная, географически рассеянная, удаленная аудитория (читатели, слушатели, зрители, пользователи, потенциальные покупатели, электорат);
- 3) канал – технические средства, масс-медиа, которые обеспечивают регулярность и тиражированность коммуникации (пресса, радио, телевидение, Интернет, кинематограф);
- 4) характерна многоканальность, имеется большой выбор коммуникативных средств;
- 5) обратная связь с адресатом слабо выражена и отсрочена во времени;
- 6) отношения с адресатом регулируются слабо и фрагментарно, посредством бюрократии;
- 7) время подачи сообщений может быть непосредственным и опосредованным;
- 8) часть людей получает сообщения адресанта не из масс-медиа, а от других людей.

Получатель информации масс-медиа стихийен и хаотичен. Массовую коммуникацию называют **ретивальной** (от лат. *rete* ‘сеть, невод’), поскольку ее средства добиваются установления контакта с адресатом и постоянного удержания его внимания, предлагая ему социально значимую информацию. В центре внимания массовой коммуникации «находится человеческое общество, которое выступает как ограниченное социальное пространство со специфическими внутренними процессами и культурными характеристиками» [Володина 2011: 9].

Однако они воздействуют на него однонаправленно (АДРЕСАНТ→АДРЕСАТ). Их влияние носит **суггестивный** (от лат. *suggestio* ‘внушение’) характер. Масс-медиа воздействуют на психику, чувства, волю и разум получателей сообщений, снижая их сознательность, мешая им анализировать и критически оценивать предлагаемую информацию.

Информационное воздействие масс-медиа на массовое сознание может носить как положительный, так и отрицательный характер. Это зависит «от целевой установки адресанта. Информация, передаваемая с помощью СМИ и рассчитанная на массового потребителя, имеет всеобъемлющий и одновременно избирательный характер. Она избирательна по отношению к передаваемому содержанию, которое диктуется задачами и целями адресанта. Благодаря интенции адресанта и реакции адресата создается ситуация напряжения, вызванная необходимостью “прорыва” через имплицитную, особым образом закодированную информацию, задающую общению энергию воздействия» [Там же 2011: 16].

С целью информационно-языкового воздействия на массовое сознание масс-медиа широко используют как вербальные, так и невербальные средства общения. Используя звук и изображение, они создают иллюзию участия адресата в сообщаемых событиях, который «очарован именно тем, что он наблюдает “неожиданное”, неотобранный жизненный материал, так что между ним и реальностью нет никакого посредника» [Кара-Мурза 2009: 329-330].

«Телевидение, радио и телефон вновь приблизили нас к культуре устной коммуникации, сегодня к этому добавились мобильные телефоны и аудиокниги. В старой устной традиции информация могла сохраняться, только будучи представленной в виде события. Но это характерно и для подачи информации нынешними СМИ. Нанизывание событий доминирует в новостях всего мира точно так же, как у Гомера. И культурная задача телевидения остается той же, что и у античных поэтов: *record and preserve* – записывай и сохраняй» [Большц 2011: 10].

Массовая коммуникация имеет несколько разновидностей. В их число входят:

- 1) реклама – передаваемая при помощи средств массовой коммуникации информация о потребительских свойствах товаров и услуг с целью активного воздействия на аудиторию для реализации и создания спроса на данных товаров и услуг;
- 2) политическая коммуникация – совокупность процессов и институтов, осуществляющих информационное взаимодействие между политической системой и окружающей средой, а также между элементами политической системы;
- 3) связи с общественностью (паблик рилейшнз, PR) – социогуманитарная прикладная сфера научного знания, направленная на создание доверия между индивидом и группой, группой и обществом в целом и оказывающая информационное влияние на общественное мнение;
- 4) журналистика – творческая деятельность журналистов, которая заключается в поиске, переработке и передаче общественно значимой информации с помощью печати, радио и ТВ неопределенной массовой аудитории с целью ее информирования и социального адаптивирования, а также отражения и формирования общественного мнения.

Литература:

1. Большц Н. *Азбука медиа*. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 136 с.
2. Володина М.Н. *Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке*. – М.: Академический Проект, 2011. – С. 6-19 с.

3. Гнатюк О.Л. *Основы теории коммуникации: учебное пособие.* – М.: КНОРУС, 2010. – 256 с.
4. Желтухина М.Р. *Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография.* – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.: ил.
5. Кара-Мурза С.Г. *Власть манипуляции.* – М.: Академический Проект, 2009. – 380 с. – (Социально-политические технологии).
6. Костомаров В.Г. *Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики.* – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
7. Лиллекер Д. *Политическая коммуникация. Ключевые концепты.* – Харьков: Гуманитарный центр, 2010. – 300 с.
8. *Психология личности. Учебное пособие.* – М.: Эксмо, 2008. – 633 [3] с. – (Образовательный стандарт).

Тема 7. Жанры речи и речевые события

Жанр речи – это относительно устойчивый тип речевого высказывания, владение которым обязательно для всех коммуникантов. Автором термина «речевой жанр» является выдающийся русский философ, культуролог, филолог и искусствовед Михаил Михайлович Бахтин (1895-1975). Он утверждал, что вся наша речь протекает в жанровых формах. И реплики бытового диалога, и служебный документ, и художественный текст – все это речевые жанры.

Основанием для выделения того или иного жанра является **цель речи**. Поэтому жанры речи тесно связаны с функциями речи по отношению к компонентам речевой ситуации. Так, существуют группы жанров, объединенные общей целью. Например, *приказ (устный или письменный), рекламный текст, проповедь, совет* объединены тем, что ведущей функцией здесь выступает апеллятивная. *Рапорт, летопись, репортаж, повесть* объединяет ведущая репрезентативная функция.

Жанры делятся на **первичные (простые)** и **вторичные (сложные)**. Вторичные речевые жанры возникают на базе первичных и в условиях более сложного культурного письменного общения. Вторичные (сложные) речевые жанры – это романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п.

Говоря о ведущей функции жанра необходимо помнить, что речи свойственна **полифункциональность**, т.е. в жанре реализуется не одна, а несколько функций, но часть из них может выходить на первый план. Например, в жанре рекламы реализуется не только функция воздействия, но и репрезентативная (реклама рассказывает о тех или иных товарах), контактоустанавливающая (она адресована определенному кругу лиц), поэтическая (хорошая реклама должна иметь запоминающуюся художественную форму) функции.

Особенностью жанров является то, то они всегда **легко узнаваемы** любым носителем языка. Вряд ли кто-то спутает *лесть с угрозой, совет с приказом* и т.п. Это позволяет носителям языка легко ориентироваться в коммуникативной ситуации.

Жанры **письменного** общения более строго регламентированы, чем жанры **устного** общения. Особенно строгие требования предъявляются к жанрам делового письменного общения, т.е. к документам. Многие документы составляются по образцам, а часть из них вообще представляет собой готовую форму, которую необходимо заполнить нужными данными.

Речевые события – это относительно самостоятельные участки речевого общения, имеющие хотя и не абсолютно строгую, но достаточно определенную организацию и

обслуживаемые характерными для них устойчивыми комплексами речевых жанров. Например, *свадьба, суд, симпозиум, экзамен* – все это речевые события, для которых характерны определенные речевые жанры. Для свадьбы – жанр *тоста, поздравления*, для экзамена – жанр *ответа* и т.д.

Не все события являются речевыми. Речевое событие отличается от неречевого тем, что не может проходить в полном молчании, без использования речи. Вряд ли возможны такие высказывания, как *Свадьба прошла в полном молчании* или *На экзамене никто не произнес ни слова*.

Для каждой из сфер общения характерны свои речевые события и речевые жанры. Например, для *научной* сферы общения характерны такие речевые события, как *симпозиум, конференция, защита диссертации*, и такие жанры, как *выступление с докладом, вопрос*. Владение основными жанрами современной русской речи, особенно письменными – один из признаков культурного человека.

Литература:

1. Гольдин В.Е., Сиротина О.Б., Ягубова М.А. *Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов: Учебное пособие.* – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 216 с.
2. Бахтин М.М. *Постановка проблемы и определение речевых жанров* // *Собр. соч.* – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: *Работы 1940-1960 гг.* – С. 159-206.

Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского

Планы практических и семинарских занятий

Занятие 1. Модели общения

I. На занятии рассматриваются следующие вопросы:

1. Кодовая модель коммуникации (модель Шеннона – Уивера).
2. Основные элементы кодовой модели коммуникации.
3. Активная роль отправителя и пассивная роль получателя сообщений в кодовой модели.
4. Соответствующее кодовой модели понимание удачности и неудачности общения. Источники коммуникативных неудач.
5. Необходимость развития кодовой модели общения путем включения в нее когнитивного, функционально-коммуникативного, социального, психологического, дискурсивного компонентов.
6. Прием сообщения и понимание речевых действий партнера.
7. Учет интенций общающихся, мотивации речи.
8. Положение об активной роли получателей в процессе общения.

II. Анализируются примеры коммуникативных ситуаций, коммуникативных неудач, отраженные в художественной литературе (пьеса Н.В. Гоголя «Ревизор»). На занятие необходимо принести текст пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор».

III. Домашнее задание:

Самостоятельная работа № 1: проанализировать диалоги инженера и мужиков в рассказе А.П. Чехова «Новая дача». Ответить на вопрос, в чем причина коммуникативных неудач в этих диалогах. Задание выполняется письменно на отдельном листе (в рукописной или печатной форме – по желанию).

Занятие 2. Разновидности общения

I. На занятии рассматриваются следующие вопросы:

1. Естественные и искусственные коммуникативные средства. Их использование в непосредственном и опосредованном общении. Первичность непосредственного общения и вторичность опосредованного. Использование в опосредованной коммуникации приемов имитации непосредственности общения.
2. Вербальное и невербальное общение. Их взаимодействие.
3. Информативная и регулятивная направленность общения. Фатическое общение.
4. Устное и письменное общение. Коммуникативный и нарративный режимы речи.

II. Анализируются примеры невербального общения, устного и письменного, информативного, регулятивного и фатического общения, отраженные в художественной литературе (пьесы Н.В. Гоголя, рассказы А.П. Чехова, В.М. Шукшина). На занятие необходимо принести тексты пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор», рассказов А.П. Чехова «Новая дача» и В.М. Шукшина «Экзамен».

III. Домашнее задание:

Подготовить доклады по следующим темам (по желанию):

1. Язык жестов и поз.
2. Особенности русского невербального общения.
3. Национальная специфика невербального общения.
4. Специфика мужского и женского невербального общения.
5. Как установить правдивость/ложность высказывания, анализируя НВКК (невербальные компоненты коммуникации)?

Самостоятельная работа № 2: Письменно проанализировать невербальные сигналы в рассказе В.М. Шукшина «Экзамен» и ответить на вопрос, каковы их функции. Задание

выполняется письменно на отдельном листе (в рукописной или печатной форме – по желанию).

Занятие 3. Семинар «Особенности невербального общения» (выступления с докладами)

Домашнее задание – найти в текстах художественной литературы примеры разных видов общения (общения с реальным, иллюзорным, воображаемым партнером, межличностного, представительского общения). Принести эти тексты на занятие.

Занятие 4. Типология субъектов общения

I. На занятии рассматриваются следующие вопросы:

1. Общение с реальным партнером, общение с иллюзорным партнером, общение с воображаемым партнером, общение воображаемых партнеров.

2. Межличностное, представительское, массовое общение. Противоречивость роли массовой коммуникации в современном обществе. Массовая коммуникация и культура речи. Общение официальное и неофициальное.

3. Межкультурная коммуникация и принцип толерантности.

II. Анализируются примеры различных видов общения, отраженные в художественной литературе.

III. **Домашнее задание** – подготовить доклады по следующим темам (по желанию):

1. Роль СМИ в современном обществе.

2. Особенности массовой коммуникации.

Самостоятельная работа № 3: подготовить эссе на тему: «Мое представление о плюсах и минусах современных средств массовой коммуникации». Задание выполняется письменно на отдельном листе (в рукописной или печатной форме – по желанию).

Занятие 5. Семинар «Особенности массовой коммуникации» - выступления с докладами

Домашнее задание – принести текст пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор».

Занятие 6. Функции языка и речи

I. На занятии рассматриваются следующие вопросы:

1. Функции речи в философском аспекте. Коммуникативная и мыслеоформительная функции (функции общения и обобщения).

2. Функции речи в социолингвистическом аспекте. Сферы общения. Общее представление о социально-функциональной стратификации речи.

3. Функции речи как целевая направленность конкретных речевых действий, речевых актов. Функциональное многообразие речевых актов. Прямые и косвенные речевые акты.

4. Функции речи как отношение высказывания к компонентам ситуации общения. Репрезентативная, экспрессивная, апеллятивная, контактоустанавливающая, металингвистическая, поэтическая функции речи.

II. Анализируются примеры прямых и косвенных речевых актов, отраженные в художественной литературе (пьеса Н.В. Гоголя «Ревизор»).

III. **Домашнее задание:**

Самостоятельная работа № 4: выявить все косвенные речевые акты в пьесе Н.В.Гоголя «Ревизор». Описать их и пояснить, почему они являются косвенными, а не прямыми. Задание выполняется письменно на отдельном листе (в рукописной или печатной форме – по желанию).

Занятие 7. Жанры речи и речевые события

I. На занятии рассматриваются следующие вопросы:

1. Понятие жанров речи. Соответствие системы жанров русской речи основным речевым функциям.

2. Полифункциональность текста и ее проявление в структуре текстового содержания.

3. Формальная определенность жанров, различные уровни ее стандартизации. Стандартные жанры речи, их роль в общении.

4. Жанры и речевые события.

II. Анализируются примеры различных речевых жанров, отраженные в художественной литературе (пьеса Н.В. Гоголя «Ревизор»).

III. Домашнее задание:

подготовить доклады по темам:

1. Жанры межличностного общения.

2. Косвенные речевые жанры, их особенности.

Занятие 8. Семинар «Жанры речи» - выступление с докладами

Домашнее задание:

Самостоятельная работа № 5: подготовить описание одного первичного жанра речи (его цель, функции, основные особенности реализации). Описать реализацию этого жанра в тексте художественного произведения (любого, по выбору студента). Задание выполняется письменно на отдельном листе (в рукописной или печатной форме – по желанию).

Рекомендуемая литература

1. *Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2006.
2. *Антипов Г.А., Донских О.А., Марковин И.Ю., Сорокин Ю.А.* Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.
3. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
4. *Баранникова Л.И.* Введение в языкознание: Учебное пособие. М., 2010.
5. *Бахтин М.М.* Постановка проблемы и определение речевых жанров // Собр. соч. М., 1996. Т.5: Работы 1940-1960 гг. С. 159-206.
6. *Богданов В.В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
7. *Богин Г.И.* Типология понимания текста. Калинин, 1986.
8. *Большаков Н.* Азбука медиа. М., 2011.
9. *Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В.* Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. М., 2004.
10. *Бурлак С.* Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М., 2011.
11. *Вайзман Р.* Фактор удачи. М., 2004.
12. *Вендина Т.И.* Введение в языкознание: Учеб. пособие. М., 2001.
13. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1990.
14. *Володина М.Н.* Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М., 2011. С. 6-19 с.
15. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.
16. *Гальперин И.Р.* Текст как предмет лингвистического исследования. М., 1981.
17. *Гнатюк О.Л.* Основы теории коммуникации: учебное пособие. М., 2010.
18. *Гойхман О.Я., Надеина Т.М.* Основы речевой коммуникации. М., 1997.
19. *Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А.* Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов: Учебное пособие. М., 2008.
20. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М., 2001.
21. *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2008.
22. *Донских О.А.* Язык в океане языков. Новосибирск, 1991.
23. *Желтухина М.Р.* Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. М. – Волгоград, 2003.
24. *Журавлев А.П.* Звук и смысл. М., 1991.
25. *Землянова Л.М.* Современная американская коммуникативистика: Теоретические концепции, проблемы, прогнозы. М., 1995.
26. *Зильберт Б.А.* Тексты массовой информации. Саратов, 1991.
27. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
28. *Иванов В.В.* Мы развиваемся рывками – и не всегда это рывки вперед // Psychologies, 2014. № 101. С. 81-83.
29. *Иванов Д.* Общество как виртуальная реальность / Информационное общество. СПб. – М., 2004. – С. 355-427.
30. *Каменская О.Л.* Текст и коммуникация. М., 1990.
31. *Кара-Мурза С.Г.* Власть манипуляции. М., 2009.
32. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М., 1992.
33. *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация. Коммуникативные стратегии. Коммуникативные тактики. Успешность речевого взаимодействия. М., 1998.
34. *Клюканов И.Э.* Динамика межкультурного общения. Тверь, 1998.

35. *Конечкая В.П.* Социология коммуникации. М., 1997.
36. *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
37. *Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А.* Семиотика, или Азбука общения: учеб. пособие. М., 2009.
38. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
39. *Лактионов А.* Информационное общество: через тернии к звездам? / Информационное общество. – СПб. – М., 2004. – С. 5-6.
40. *Леонтьев А.А.* Психология общения. М., 2005.
41. *Лиллекер Д.* Политическая коммуникация. Ключевые концепты. – Харьков, 2010.
42. *Маклюэн М.* Средство само есть содержание / Информационное общество. СПб. – М., 2004. – С. 341-348.
43. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., 1987 (и последующие издания).
44. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 1996.
45. *Михальская А.К.* Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996.
46. *Мурзин Л.Н., Штерн А.С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
47. *Назарчук А.В.* Теория коммуникации в современной философии. М., 2009.
48. *Новиков В.К.* Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М., 2011.
49. *Норман Б.Ю.* Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие. М., 2009.
50. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. В 9 тт. Т. 7. Народы и культуры. М., 2002.
51. *Орлова Э.А.* Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.
52. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22-130.
53. *Петрова О. В.* Речь и культура общения. М., 1997.
54. *Потапова Р. К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М., 1997.
55. *Почепцов Г.Г.* Теория и практика коммуникации. М., 1998.
56. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М., 2001.
57. Проблемы речевой коммуникации. М., 2000.
58. Психология личности. Учебное пособие, 2008.
59. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 2007.
60. *Рождественский Ю.В.* Введение в общую филологию. М., 1979 (и последующие издания).
61. *Седов К.Ф.* К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах ролевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. науч. сб. тр. Саратов, 2007. Вып. 7. С. 6-29.
62. *Сидоров Е.В.* Основы коммуникативной лингвистики. М., 1986.
63. *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. М., 1995.
64. *Стариченок В.Д.* Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008.
65. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
66. *Терин В.П.* Массовая коммуникация. М., 1999.
67. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
68. *Торп К.* Искусство непринужденной беседы. М., 2008.
69. *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
70. *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.
71. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
72. *Шарков Ф.И.* Основы теории коммуникации: Словарь-справочник. М., 2002.
73. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.

74. Шеннон К.Э. Современные достижения теории связи / Информационное общество. – СПб. – М., 2004. С. 23-40.
75. Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. М., 2005.
76. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

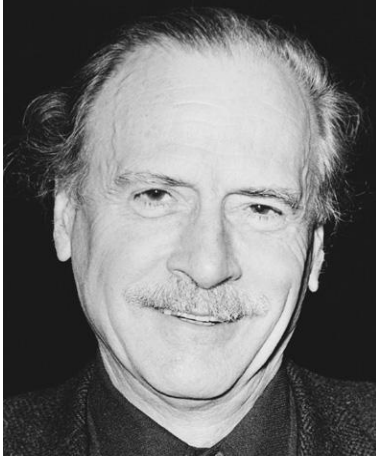
Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Вопросы к зачету

1. Понятие коммуникации. Коммуникация и общение. Роль общения в человеческой деятельности.
2. Общение и культура. Общение и процессы социализации личности. Коммуникативная компетенция личности.
3. Кодовая модель коммуникации (модель Шеннона – Уивера).
4. Когнитивная модель коммуникации. Модель О. Йокояма.
5. Непосредственное и опосредованное общение.
6. Вербальное и невербальное общение. Их взаимодействие.
7. Информативная и регулятивная направленность общения. Фатическое общение.
8. Типология субъектов общения.
9. Общение с реальным партнером, общение с иллюзорным партнером, общение с воображаемым партнером, общение воображаемых партнеров.
10. Межличностное, представительское, массовое общение. Противоречивость роли массовой коммуникации в современном обществе.
11. Функции речи в философском аспекте. Коммуникативная и мыслеоформительная функции (функции общения и обобщения).
12. Функции речи как целевая направленность конкретных речевых действий, речевых актов. Функциональное многообразие речевых актов. Прямые и косвенные речевые акты.
13. Функции речи как отношение высказывания к компонентам ситуации общения. Репрезентативная, экспрессивная, апеллятивная, контактоустанавливающая, металингвистическая, поэтическая функции речи.
14. Понятие жанров речи. Соответствие системы жанров русской речи основным речевым функциям.
15. Жанры и речевые события.
16. Речевое воздействие в массовой коммуникации. Роль СМИ и современном обществе.
17. Развитие средств коммуникации. Возникновение письменности, печати, электронных средств коммуникации.

Приложение

Избранные труды по теории коммуникации

Херберт Маршалл Маклюэн (1911–1980) – канадский философ, филолог, литературный критик, теоретик медиа. Получил широкую известность благодаря исследованиям влияния медиа и электронных средств коммуникации на человека и общество. Его работы оказывают значительное и разностороннее влияние на современную теорию коммуникации, культурологию, лингвистику, философию. Представленная здесь работа впервые опубликована в 1964 году.

СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ ЕСТЬ СООБЩЕНИЕ

В такой культуре, как наша, издавна привыкшей расщеплять и разделять вещи ради установления контроля над ними, люди иногда испытывают своего рода небольшой шок, когда им напоминают, что на самом деле как с операциональной, так и с практической точки зрения средство коммуникации есть сообщение. А это всего лишь означает, что личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела. Так, например, новые образцы человеческих связей, возникающие вместе с автоматизацией, воистину несут с собой угрозу уничтожения рабочих мест. Это негативный результат. С позитивной же точки зрения, автоматизация создает для людей роли, или, иначе говоря, воссоздает ту глубину вовлечения их в свою работу и в связи с другими людьми, которая была разрушена нашей прежней механической технологией. Многие склонялись к тому, что значением, или сообщением, машины является не она сама, а то, что человек с ней делает. С точки зрения того, как машина изменяла наше отношение друг к другу и к самим себе, не имело равным счетом никакого значения, что именно она выпускала, кукурузные хлопья или «кадиллаки». Форма переструктурирования человеческой работы и ассоциации определялась процессом фрагментации, составляющим самую суть машинной технологии. Сущность автоматической технологии противоположна. Она в такой же степени глубоко интегральна и децентралистична, в какой машина в конфигурировании ей человеческих взаимоотношений была фрагментарной, централистичной и поверхностной.

В этой связи может быть показателен пример электрического света. Электрический свет – это чистая информация. Он представляет собой, так сказать, средство коммуникации без сообщения, если только его не используют для оглашения какого-то словесного объявления или названия. Этот факт, характеризующий все средства коммуникации, означает, что «содержанием» любого средства коммуникации всегда

является другое средство коммуникации. Содержанием письма является речь, точно так же, как письменное слово служит содержанием печати, а печать – содержанием телеграфа. Если спросят: «Что есть содержание речи?», – на это необходимо ответить: «Это действительный процесс мышления, который сам по себе невербален». Абстрактная живопись представляет собой прямое проявление творческих мыслительных процессов, как они могли бы проявиться в компьютерном проектировании.

Что нас, однако, здесь интересует, так это психические и социальные последствия конфигураций, или паттернов, усложняющих или ускоряющих существующие процессы. Ибо «сообщением» любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела. Железная дорога не привнесла в человеческое общество ни движения, ни транспорта, ни колеса, ни дороги, но она ускорила прежние человеческие функции и укрупнила их масштабы, создав совершенно новые типы городов и новые виды труда и досуга. И это происходило независимо от того, функционировала ли железная дорога в тропической или северной среде, и совершенно независимо от перевозимого по ней груза, или содержания железнодорожного средства сообщения. С другой стороны, самолет, повышая скорость транспортировки, приносит с собой тенденцию упразднения железнодорожной формы города, политики и человеческих связей, причем совершенно независимо от того, для каких целей самолет используется.

Вернемся к электрическому свету. Используется ли свет для операции на мозг или освещения вечернего бейсбольного матча – не имеет никакого значения. Можно было бы утверждать, что эти виды деятельности являются в некотором роде «содержанием» электрического света, поскольку без электрического света они не могли бы существовать. Этот факт всего лишь подчеркивает, что «средство коммуникации есть сообщение», так как именно средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия. Содержания, или способы применения таких средств столь же разнообразны, сколь и неэффективны в определении формы связывания людей. На самом деле очень типично, что «содержание» всякого средства коммуникации скрывает от наших глаз характер этого средства. Только сегодня отрасли промышленности стали сознавать различные виды бизнеса, которыми они занимаются. Лишь когда фирма «Ай-Би-Эм» открыла, что ее делом является не изготовление офисного оснащения и канцелярской оргтехники, а обработка информации, она начала продвигаться вперед с ясным пониманием своего курса. Компания «Дженерал Электрик» извлекает значительную часть своих прибылей из изготовления электрических ламп и систем освещения. Она – как и «Американ Телефон энд Телеграф» – еще не открыла для себя, что ее делом является перемещение информации.

Электрический свет ускользает от внимания как средство коммуникации именно потому, что у него нет «содержания». И это делает его бесценным примером того, насколько люди не заботятся об изучении средств как таковых. Ибо до тех пор, пока электрический свет не начинают использовать для оглашения какой-нибудь торговой марки, он как средство коммуникации остается незамеченным. Но даже и тогда предметом внимания становится не сам свет, а его «содержание» (то есть на самом деле другое средство). Сообщение электрического света, подобно сообщению электроэнергии в промышленности, является целиком и полностью основополагающим, всепроникающим и децентрализованным. Ибо электрический свет и электроэнергия отдельны от их применений, и, кроме того, они упраздняют временные и пространственные факторы человеческой ассоциации, создавая глубинное вовлечение точно так же, как это делают радио, телеграф, телефон и телевидение.

Полное и исчерпывающее руководство по изучению расширений человека можно было бы составить из фрагментов произведений Шекспира. Кто-то мог бы, поиграв

словами, в шутку спросить, не о телевидении ли шла речь в следующих знаменитых строках из *«Ромео и Джульетты»*:

Но тише!

Что за свет блеснул в окне?

Оно заговорило.

Нет, молчит.

В трагедии *«Отелло»*, которая, как и *«Король Лир»*, посвящена мукам людей, оказавшихся в плену иллюзий, есть следующие строки, свидетельствующие о том, что Шекспир предвосхитил своей интуицией преобразующие возможности новых средств коммуникации:

Приходится поверить в колдовство,

Которым совращают самых чистых.

Тебе, Родриго, ни о чем таком

Читать не приходилось?

В трагедии Шекспира *«Троил и Крессид»*, которая почти целиком посвящена психологическому и социальному изучению коммуникации, Шекспир оставляет свидетельство понимания того, что подлинная социальная и политическая ориентация зависит от предвосхищения последствий нововведения:

Ведь зоркость государственных людей,

Как Плутус, видит все крупинки злата,

Спускается на дно глубоких бездн

И в мысли проникает, словно боги,

И рост их видит в темных колыбелях.

Растущее осознание того воздействия, которое средства коммуникации оказывают совершенно независимо от своего «содержания», или наполнения, проявилось в раздраженной анонимной строфе:

Согласно современной мысли

(если уж не в самом деле),

То, что не действует, – ничто.

А посему считается за мудрость

Описывать чесанье, а не зуд.

Тот же тип тотального, конфигурационного осознания, открывающего нам, почему в социальном плане средство коммуникации является сообщением, проявился в новейших радикальных медицинских теориях. В книге *«Жизненный стресс»* Ганс Селье рассказывает об испуге, охватившем его коллегу по исследованиям, когда тот выслушал теорию Селье: «Когда он увидел меня, с увлечением погрузившегося в очередное упоительное описание того, что мне довелось наблюдать у животных, подвергаемых лечению теми или иными нечистыми, токсичными веществами, он взглянул на меня отчаянно грустными глазами и с очевидной безысходностью в голосе сказал: Но, Селье, постарайтесь же наконец понять, что вы делаете, пока еще не слишком поздно! Вы только что решили потратить всю свою жизнь на изучение фармакологии грязи!»

Как Селье в своей «стрессовой» теории болезни обращается к целостной ситуации окружающей среды, так и новейший подход к изучению средств коммуникации принимает во внимание не только «содержание», но также само средство коммуникации как таковое и ту культурную матрицу, в которой это конкретное средство функционирует. Царившее до сих пор непонимание психических и социальных последствий, вызываемых средствами коммуникации, можно проиллюстрировать на примере почти любого из обывательских суждений.

Несколько лет назад генерал Давид Сарнофф, принимая почетную степень от Нотр-Дамского университета, произнес такие слова: «Мы слишком предрасположены делать технологические инструменты козлами отпущения за грехи тех, кто ими орудует. Продукты современной науки сами по себе ни хороши, ни плохи; их ценность

определяется тем, как они используются». Это глас современного сомнамбулизма. Представьте, что мы сказали бы: «Яблочный пирог сам по себе не хорош и не плох; его ценность определяется тем, как его используют». Или: «Вирус оспы сам по себе не хорош и не плох; его ценность определяется тем, как его используют». Или, опять же: «Огнестрельное оружие само по себе не хорошее и не плохое; его ценность определяется тем, какое ему дают применение». Иначе говоря, если пули попадают в тех, в кого надо, огнестрельное оружие становится хорошим. Если телевизионный экран обстреливает нужными боеприпасами нужных людей, то он хорош. И тут я несколько не передерживаю. Просто в утверждении Сарноффа нет ничего, что выдержало бы проверку, ибо оно игнорирует природу средств коммуникации – каждого по отдельности и всех вместе взятых – поистине на манер Нарцисса, зачарованного ампутацией и расширением собственного существа в новую техническую форму. Далее генерал Сарнофф разъяснил свое отношение к технологии печати, сказав, что печать действительно пустила в оборот немало макулатуры, но в то же время распространила Библию и мысли пророков и философов. Генералу Сарноффу даже не приходило в голову, что любая технология может делать что-то еще, кроме как *добавлять* себя к тому, что мы уже собой представляем.

Такие экономисты, как Роберт Тиболд, У. У. Ростоу и Джон Кеннет Гэлбрейт, уже много лет занимаются объяснением того, почему «классическая политэкономия» не может объяснить изменение и рост. И парадокс механизации состоит в том, что хотя она сама по себе является причиной максимального роста и изменения, лежащий в ее основании принцип исключает саму возможность роста или понимания изменения. Ибо механизация осуществляется за счет фрагментации того или иного процесса и расположения его фрагментированных частей в последовательный ряд. Между тем, как еще в восемнадцатом веке показал Давид Юм, простая последовательность не содержит в себе никакого принципа причинности. То, что одна вещь следует за другой, ровным счетом ничего не объясняет. Из следования не следует ничего, кроме изменения. А потому величайшее из всех обращений произошло с приходом электричества, которое положило конец последовательности, сделав вещи мгновенно-одновременными. С мгновенной скоростью причины вещей вновь стали доходить до осознания, чего не было, когда вещи расставлялись в последовательный ряд и, соответственно, составляли цепочку. Вместо вопрошания о том, что появилось раньше, курица или яйцо, внезапно пришло на ум, что курица – это план яйца по преумножению яиц.

Непосредственно перед тем, как самолет преодолевает звуковой барьер, на его крыльях становятся видны звуковые волны. Неожиданная зримость звука, появляющаяся как раз тогда, когда звук заканчивается, – подходящий пример для иллюстрации той великой формы (pattern) бытия, которая обнажает новые и противоположные формы в тот самый момент, когда прежние формы достигают своего наивысшего осуществления. Никогда фрагментированность и последовательность, свойственные механизации, не выражались так отчетливо, как при рождении кино, то есть в тот самый момент, который вывел нас за пределы механизма и погрузил в мир роста и органической взаимосвязи. За счет простого ускорения механического движения кино перенесло нас из мира последовательностей и звеньевых соединений в мир творческой конфигурации и структуры. Сообщение такого средства коммуникации, как кино, – это сообщение о переходе от линейных соединений к конфигурациям. Именно этим переходом вызвано нынешнее совершенно справедливое наблюдение: «Если что-то работает, значит оно уже устарело». Когда далее на смену механическим последовательностям кино приходит скорость электричества, силовые линии в структурах и средствах коммуникации становятся звучными и ясными. Мы возвращаемся к инклюзивной форме иконического образа.

Перед высокоразвитой письменной и механизированной культурой кино предстало как мир восторжествовавших иллюзий и грез, который можно купить за деньги. Именно

в момент возникновения кино появился кубизм, и Э. Х. Гомбрих (в книге *«Искусство и иллюзия»*) назвал его «самой радикальной попыткой искоренить двусмысленность и насадить единственное прочтение картины – прочтение ее как рукотворной конструкции, раскрашенного холста». Ибо «точку зрения», или одну грань иллюзии перспективы, кубизм заменяет одновременным представлением всех граней объекта. Вместо создания на холсте специализированной иллюзии третьего измерения, кубизм предлагает взаимную игру плоскостей и противоречие (или драматический конфликт) форм, освещений, текстур, который «растолковывает сообщение» посредством вовлечения. Многие считают это упражнением в рисовании, а не в сотворении иллюзий.

Иначе говоря, представляя в двух измерениях внутреннюю и внешнюю стороны, вершину, основание, вид сзади, вид спереди и все остальное, кубизм отбрасывает иллюзию перспективы ради мгновенного чувственного восприятия целого. Ухватившись за мгновенное целостное осознание, кубизм неожиданно оповестил нас о том, что *средство коммуникации есть сообщение*. Разве не очевидно, что в тот самый момент, когда последовательность уступает место одновременности, человек оказывается в мире структуры и конфигурации? Разве не то же самое произошло в физике, живописи, поэзии и коммуникации? Специализированные сегменты внимания перенесли на тотальное поле, и мы теперь совершенно естественно можем сказать: «Средство коммуникации есть сообщение». До появления электрической скорости и тотального поля то, что средство коммуникации есть сообщение, было не столь очевидно. Сообщением казалось «содержание», и люди имели привычку спрашивать, например, *о чем* эта картина. Между тем, им никогда не приходило в голову спрашивать, о чем эта мелодия, или о чем эти дом или одежда. В таких вопросах люди сохраняли некоторое ощущение целостного паттерна, то есть формы и функции как единого целого. Однако в электрическую эпоху эта интегральная идея структуры и конфигурации возобладала настолько, что ее подхватила даже педагогическая теория. Вместо работы со специализированными арифметическими «задачами», структурный подход проследивает теперь силовые линии в числовом поле и побуждает маленьких детей размышлять о теории чисел и «множествах».

Кардинал Ньюмен как-то сказал о Наполеоне: «Он понял грамматику пороха». Наполеон уделял внимание и другим средствам коммуникации, особенно флажковому телеграфу, дававшему ему огромное преимущество над врагами. Считается также, что именно он сказал: «Трех враждебно настроенных газет следует бояться больше, чем тысячи штыков».

Алексис де Токвиль был первым, кто овладел грамматикой печати и книгопечатания. Благодаря этому он сумел истолковать смысл грядущего изменения во Франции и Америке так, словно зачитывал вслух выдержку из врученного ему текста. Фактически, девятнадцатый век во Франции и Америке потому и стал для Токвиля такой открытой книгой, что он постиг грамматику печати. Кроме того, он знал, где эта грамматика неприменима. Его спрашивали, почему он не написал книгу об Англии, хотя хорошо ее знал и восхищался ей. На это он ответил:

«Нужно обладать незаурядной степенью философской глупости, чтобы считать себя способным за шесть месяцев составить суждение об Англии. Год всегда казался мне слишком коротким, чтобы правильно оценить Соединенные Штаты, а ведь приобрести ясное и точное представление об Американском Союзе гораздо легче, чем о Великобритании. В Америке все законы вытекают в некотором смысле из одной линии мышления. Все общество базируется, так сказать, на одном-единственном факте; все вытекает из одного-единственного принципа. Можно было бы сравнить Америку с лесом, через который проложено множество прямых дорог, сходящихся в одной точке. Нужно лишь найти центр, и все становится ясно с одного взгляда. В Англии же тропинки петляют и перекрещиваются, и только пройдя по каждой из них от начала до конца, можно выстроить картину целого».

В ранней работе о Французской революции Токвиль объяснял, что именно печатное слово, достигшее в восемнадцатом веке культурной насыщенности, гомогенизировало французскую нацию. Французы стали похожи друг на друга от севера до юга. Книгопечатный принцип единообразия, непрерывности и линейности переборол сложности древнего феодального и устного общества. Революция была совершена новыми литераторами и юристами.

В Англии же власть древних устных традиций обычного права, поддерживаемая средневековым институтом Парламента, была настолько огромна, что ни единообразие, ни непрерывность новой визуальной печатной культуры никак не могли окончательно в ней возобладать. В итоге в английской истории так и не произошло самого важного для нее события, а именно английской революции, подобной революции во Франции. Американской революции не нужно было отвергать или искоренять средневековые правовые институты, за исключением монархии. И, по мнению многих, американское президентство стало гораздо более личностным и монархичным, чем любая из существовавших европейских монархий.

Противопоставление Англии и Америки у Токвиля явно базируется на факте книгопечатания и печатной культуры, порождающих единообразие и непрерывность. Англия, говорит он, отвергла этот принцип и цепко держалась за динамичную, или устную традицию обычного права. Отсюда непостоянство и непредсказуемость английской культуры. Грамматика печати не может помочь в истолковании сообщения, которое несут в себе культура и институты устного и неписьменного характера. Мэтью Арнольд справедливо определял английскую аристократию как варварскую, ибо ее власть и статус не имели ничего общего с начитанностью или культурными формами книгопечатания. Герцог Глостерский говорил Эдуарду Гиббону по случаю выхода в свет его книги *«История упадка и разрушения Римской империи»*: «Еще одна чертова жирная книга, а, мистер Гиббон? Всё пописываем, пописываем, пописываем, а, мистер Гиббон?» Токвиль был высокообразованным аристократом, вполне способным отстраниться от ценностей и допущений книгопечатания. Поэтому только он один и понял грамматику книгопечатания. Только так, стоя в стороне от какой бы то ни было структуры или средства коммуникации, можно разглядеть присущие им принципы и силовые линии. Ибо каждое средство коммуникации обладает способностью навязывать излишне доверчивым свои допущения. Суть предсказания и контроля состоит в умении избежать этого подпорогового состояния нарциссического транса. И здесь величайшую помощь может оказать элементарное знание того, что при контакте, как и при первых тактах мелодии, может немедленно возникнуть зачарованность.

«Поездка в Индию» Э.М. Форстера – драматичное исследование неспособности втиснуть устную и интуитивную восточную культуру в рациональные, визуальные европейские формы опыта. «Рациональное», разумеется, долгое время означало для Запада «единообразное, непрерывное и последовательное». Иными словами, мы перепутали разум с письменностью, а рационализм – с одной-единственной технологией. Поэтому обывательскому Западу в электрическую эпоху кажется, что человек становится иррациональным. В романе Форстера момент истины и освобождения от типографического транса Запада наступает в Марабарских пещерах. Рассудок Аделы Квестед не может справиться с тем тотальным всепоглощающим полем резонанса, каким является Индия. После посещения пещер: «Жизнь продолжалась как обычно, но в ней не было последствий: звуки не вызывали эха, а мысли не двигались. Казалось, все было отрезано от своих корней и, следовательно, заражено иллюзией».

«Поездка в Индию» (это выражение было позаимствовано у Уитмена, видевшего Америку обращенной лицом к Востоку) – метафорический образ западного человека электрической эпохи, связанный лишь случайным образом с Европой или Востоком. Мы поражены радикальным конфликтом между видом и звуком, между письменными и устными формами восприятия и организации существования. Поскольку понимание, как

подметил Ницше, приводит к остановке действия, мы можем смягчить мучительную остроту этого конфликта, если поймем те средства коммуникации, которые расширяют нас вовне и вызывают внутри и за пределами нас эти войны. Детрайбализация, вызванная письменностью, и ее травматические последствия для племенного человека являются темой книги *«Африканский разум в здорovy и болезни»* психиатра Дж.К. Карозерса. Значительная часть собранного им материала вошла в статью, опубликованную в ноябрьском номере журнала *«Психиатрия»* за 1959 год. Опять-таки, именно скорость электричества обнажила те силовые линии, которые тянутся из западной технологии в самые отдаленные уголки буша, саванны и пустыни. Одним из примеров служит бедуин верхом на верблюде с притороченным к седлу батарейным радиоприемником. Затопление туземцев потоками понятий, к принятию которых их ничто не подготовило, – вот обычное воздействие всей нашей технологии. Однако с появлением электрических средств коммуникации западный человек и сам переживает такое же наводнение, как и далекий туземец. Мы в нашей письменной среде подготовлены к встрече с радио и телевидением не более, чем туземец в Гане готов справиться с письменностью, которая вырывает его из коллективного племенного мира и выбрасывает на мель индивидуальной изоляции. Мы в нашем новом электрическом мире испытываем такое же оцепенение, какое испытывает туземец при втягивании в нашу письменную и механическую культуру.

Электрическая скорость смешивает доисторические культуры с горстками индустриальных торговцев, бесписьменные культуры – с полуписьменными и послеписьменными. Самым обычным результатом отрыва от корней и обрушивания потоков новых сведений и бесконечных новых форм информации является душевный крах различной степени тяжести. Уиндхем Льюис сделал это темой своей серии романов, озаглавленной *«Век человеческий»*. Первый из них, *«День избияния младенцев»*, как раз посвящен ускоряющемуся изменению, вызываемому средствами массовой информации, как своего рода массовому убийству невинных. В нашем мире по мере того, как мы все больше осознаем влияние технологии на формирование психики и психические проявления, мы утрачиваем всякую уверенность в своем праве кого бы то ни было в чем-то винить. Древние доисторические общества считают преступление, совершенное в состоянии ярости, достойным сожаления. К убийце относятся так, как мы относимся к жертве рака. «Как, должно быть, ужасно так себя чувствовать», – говорят они. Дж.М. Синг очень эффектно воспользовался этой идеей в своем *«Плейбое западного мира»*.

Если преступник выглядит нонконформистом, неспособным соблюсти те требования технологии, которые соблюдаем мы, ведя себя единообразно и постоянно, то на Других людей, которые не могут приспособиться, письменный человек весьма склонен смотреть как на нечто жалкое. В мире визуальной и книгопечатной технологии жертвами несправедливости предстают прежде всего ребенок, инвалид, женщина и цветной. С другой стороны, в культуре, которая предписывает людям роли, а не рабочие места, карлик, косоглазый и ребенок создают свои собственные пространства. От них не ожидают, что они будут вписываться в какую-то единообразную и повторяемую нишу, которая явно им не подходит. Взять хотя бы выражение «это мужской мир». Как количественное наблюдение, бесконечно извергающееся из недр гомогенизированной культуры, это выражение относится в этой культуре к тем людям, которые должны стать гомогенизированными Дагвудами, чтобы вообще к ней принадлежать. Именно в наших тестах IQ мы произвели величайший поток незаконнорожденных стандартов. Не сознавая своего книгопечатного культурного крена, наши разработчики тестов принимают допущение, что единообразные и постоянные привычки служат признаком интеллекта, и тем самым упраздняют человека слышащего и осязающего.

Ч. П. Сноу в рецензии на книгу А. Л. Роуза о политике умиротворения и поездке в Мюнхен описывает высший уровень британских мозгов и опыта в 1930 годы. «Коэффициенты интеллекта у них были намного выше, чем обычно бывает у политических боссов. Как же они допустили такую катастрофу?» По мнению Роуза,

с которым Сноу одобрительно соглашается, «они не стали бы слушать предостережений, ибо не желали ничего слышать». Их ненависть к красным не позволяла им истолковать суть Гитлера. Но их неудача ничто по сравнению с той, которая постигла нас сегодня. Американская ставка на письменность как технологию или единообразие, применяемые к каждому уровню образования, управления, промышленности и социальной жизни, во всей своей полноте поставлена под угрозу электрической технологией. Угроза со стороны Сталина или Гитлера была внешней. Электрическая же технология хозяйничает у нас дома, а мы немые, глухие, слепые и бесчувственные перед лицом ее столкновения с технологией Гутенберга, на основе и по принципу которой сформировался весь американский образ жизни. Однако не время предлагать стратегии, когда наличие этой Угрозы еще даже не разглядели. Я нахожусь в положении Луи Пастера, рассказывающего врачам, что величайший их враг совершенно невидим и совершенно им неизвестен. Наша обычная реакция на все средства коммуникации, состоящая в том, что якобы значение имеет только то, как они используются, – это оцепенелая позиция технологического идиота. Ибо «содержание» средства коммуникации подобно сочному куску мяса, который приносит с собой вор, чтобы усыпить бдительность сторожевого пса нашего разума. Воздействие средства коммуникации оказывается сильным и интенсивным именно благодаря тому, что ему дается в качестве «содержания» какое-то другое средство коммуникации. Содержанием кино является роман, пьеса или опера. Воздействие кинематографической формы никак не связано с тем содержанием, которое ее наполняет. «Содержанием» письма или печати служит речь, однако ни печать, ни речь читатель почти совсем не сознает.

Арнольд Тойнби пребывает в блаженном неведении относительно того, как средства коммуникации формировали историю, однако приводит великое множество примеров, которыми исследователь средств коммуникации может воспользоваться. В какой-то момент он может всерьез предположить, что просвещение взрослых – например, деятельность Ассоциации образования рабочих в Великобритании – является полезным противовесом популярной прессе. Тойнби отмечает, что хотя все восточные общества приняли в наше время промышленную технологию и ее политические следствия, «в культурном плане нет соответствующей единообразной тенденции». Это все равно что голос грамотного человека, который барахтается в море рекламных объявлений, но в то же время похвалается: «Лично я не обращаю на рекламу никакого внимания». Духовные и культурные резервации, которые восточные народы могут пытаться противопоставить нашей технологии, вообще ничего им не дадут. Воздействие технологии происходит не на уровне мнений или понятий; оно меняет чувственные пропорции, или образцы восприятия, последовательно и без сопротивления. Серьезный художник – единственный, кто способен без ущерба для себя встретиться с технологией лицом к лицу, и именно потому, что он является экспертом, сознающим изменения в чувственном восприятии.

Функционирование денежного посредника в Японии семнадцатого века вызвало последствия, в известной мере аналогичные тем, которые на Западе вызвало книгопечатание. Проникновение денежной экономики, как писал Дж.Б. Сэнсом, «вызвало медленную, но неудержимую революцию, достигшую своего пика в крушении феодального правления и возобновлении сношений с иноземными странами после более чем двухвековой изоляции». Деньги реорганизовывали чувственную жизнь народов именно потому, что являются *расширением* нашей чувственной жизни. Это изменение несколько не зависит от одобрения или осуждения его теми, кто живет в данном обществе.

Арнольд Тойнби наметил один из подходов к изучению преобразующей силы средств коммуникации в своем понятии «этерификации», которая, по его мнению, лежит в основе прогрессивного упрощения и роста эффективности любой организации или технологии. Как правило, он игнорирует *воздействие* столкновения с этими формами

на реакции наших органов чувств. Он полагает, что для воздействия средств коммуникации или технологии на общество важна именно реакция наших мнений, то есть «точка зрения», которая явно представляет собой результат книгопечатных чар. Ибо в письменном и гомогенизированном обществе человек перестает быть восприимчивым к разнообразной и прерывной жизни форм. Как часть своей нарциссической фиксации он приобретает иллюзию третьего измерения и «частную точку зрения», а тем самым начисто отрывается от присущего Блейку или Псалмопевцу осознания того, что мы становимся тем, к чему прикован наш взор.

Сегодня, когда мы хотим обрести точку опоры в собственной культуре и нуждаемся в принятии отстраненной позиции по отношению к принуждению и давлению, которое оказывает на нас любая техническая форма человеческого самовыражения, нам нужно просто навестить в общество, в котором эта конкретная форма никогда не ощущалась, или обратиться к какому-нибудь историческому периоду, когда она была неизвестна. Проф. Уилбур Шрамм предпринял такой тактический ход в своем исследовании *«Телевидение в жизни наших детей»*. Он нашел такие места, куда телевидение вообще до сих пор не проникло, и провел там несколько тестов. Поскольку он не ставил перед собой задачи исследовать особую природу телевизионного образа, его тесты выявляли «содержательные» предпочтения, длительность просмотров и словарный запас. Словом, его подход к проблеме был книжно-письменным, пусть даже он этого не сознавал. Поэтому ему и нечего было сообщить. Будь его методы применены в 1500 году новой эры для выявления воздействия печатной книги на жизнь детей или взрослых, он и тогда бы не смог обнаружить ничего, что касалось бы тех изменений в человеческой и социальной психологии, которые были результатом книгопечатания. В шестнадцатом веке печать породила индивидуализм и национализм. Анализ программного наполнения, или «содержания», не дает никаких ключей к магическому воздействию этих средств коммуникации или к их подсознательному заряду.

Леонард Дуб в докладе *«Коммуникация в Африке»* рассказывает об одном африканце, который изо всех сил старался прослушивать каждый вечер выпуски новостей ВВС, хотя ничего не мог в них понять. Для него было важно просто находиться ежедневно в 7 часов вечера в присутствии этих звуков. Его отношение к речи было сродни нашему отношению к мелодии; резонирующей интонации было для него вполне достаточно. В семнадцатом веке наши предки все еще разделяли это туземное отношение к формам средств коммуникации, что ясно видно на примере следующего чувства, выраженного французом Бернаром Ламом в книге *«Ораторское искусство»*:

«Из Мудрости Бога, сотворившего Человека для счастья, вытекает, что все, что бы ни было полезно для его беседы (образа жизни), ему одновременно и приятно... ибо всякая провизия, влекущая к насыщению, приятна на вкус, тогда как иные вещи, которые не могут быть нами усвоены и превращены в нашу субстанцию, безвкусны. Речь не может быть приятна для Слушателя, когда она с трудом дается Говорящему; да и ему самому нелегко ее произнести, когда не слушают его с наслаждением».

Здесь применительно к человеческому питанию и самовыражению изложена теория равновесия, которую мы даже сейчас, после столетий фрагментации и специализма, еще только стремимся разработать заново применительно к средствам коммуникации.

Папу Пия XII глубоко волновала необходимость серьезного изучения сегодняшних средств коммуникации. 17 февраля 1950 года он сказал:

«Не будет преувеличением сказать, что будущее современного общества и стабильность его внутренней жизни зависят в значительной степени от сохранения равновесия между мощью технических средств коммуникации и способностью человека к индивидуальной реакции».

На протяжении веков неумение поддерживать такое равновесие было типичным и всеобщим для всего человечества. Подсознательное и покорное принятие воздействия

средств коммуникации превращало их в тюрьмы без стен для тех людей, которые ими пользовались. Как заметил Э.Дж. Либлинг в книге *«Пресса»*, человек не свободен, если не может видеть, куда он идет, пусть даже у него есть ружье, которое поможет ему туда добраться. Ибо каждое средство коммуникации, помимо всего прочего, – это еще и мощное оружие нападения на другие средства коммуникации и другие группы. Как следствие, нынешняя эпоха стала эпохой многочисленных гражданских войн, которые отнюдь не ограничиваются миром искусства и развлечений. В книге *«Война и человеческий прогресс»* проф. Дж.У. Неф заявил: «Тотальные войны нашего времени были результатом ряда интеллектуальных ошибок...»

Если формообразующей силой, заключенной в средствах коммуникации, являются сами эти средства, то отсюда вытекает огромное множество важных вопросов, которые могут быть здесь только упомянуты, хотя заслуживают целых томов. А именно: технологические средства коммуникации представляют собой сырьевые, или естественные ресурсы, точно такие же, как уголь, хлопок и нефть.

Каждый человек согласится, что общество, экономика которого зависит от одного или двух основных ресурсов – например, хлопка, зерна, леса, рыбы или скота, – скорее всего будет иметь в результате этого некоторые очевидные социальные формы организации. Упор на немногие основные ресурсы создает крайнюю нестабильность в экономике, но огромную сопротивляемость в населении. Энтузиазм и юмор американского Юга коренятся именно в такой экономике ограниченных ресурсов. Ибо общество, конфигурированное опорой на немногие основные товары, принимает их как социальное долговое обязательство, совершенно так же, как крупный город принимает в качестве такового прессу. Хлопок и нефть, подобно радио и телевидению, становятся «фиксированным налогом», взимаемым со всей психической жизни сообщества. И этот всепроникающий факт создает в каждом обществе его уникальную культурную атмосферу. Общество платит носом и всеми другими органами чувств за каждый ресурс, придающий форму его жизни.

То, что наши человеческие чувства, расширениями которых являются все без исключения средства коммуникации, тоже являются фиксированными налогами на наши личностные энергии и тоже конфигурируют сознание и опыт каждого из нас, можно воспринимать и в ином аспекте, на который обращает внимание психолог К.Г. Юнг:

«Каждый римлянин был окружен рабами. Раб и его психология наводнили древнюю Италию, и каждый римлянин внутренне – и, разумеется, непреднамеренно – становился рабом. Ибо он, постоянно живший в атмосфере рабов, заражался через бессознательное их психологией. Никто не в силах защитить себя от такого влияния».

Джон Перри Барлоу (род. в 1947.) – американский поэт и эссеист основатель и вице-председатель Фонда электронных рубежей (*Electronic Frontier Foundation*), посвященного исследованию социальных и правовых проблем, связанных с Киберпространством, и защите свободы в Интернете. «Декларация независимости киберпространства» была написана им 8 февраля 1996 года в ответ на подписанный в этот день президентом Клинтоном Биллем о

благопристойности коммуникаций (*Communication Decency Act*), входившего в состав Закона о реформе телекоммуникаций и вводившего цензуру на Интернете. Это решение правительства США было обусловлено тем, что медиамагнаты, имея мощное лобби во власти, пытались представить Интернет как некую угрозу для общественной морали и безопасности и лишь небольшая каста продвинутых компьютерщиков верила, что он изменит будущее всего человечества. Барлоу принадлежал к этой касте и создал текст, вошедший в классику интернетовского либертарианства. Несмотря на то, что Билль, с которым боролась «Декларация независимости киберпространства», федеральный суд признал антиконституционным уже 12 июля 1996 года, текст Барлоу еще надолго сохранит свою актуальность.

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

Правительства Индустриального мира, вы – утомленные гиганты из плоти и стали; моя же Родина – Киберпространство, новый дом Сознания. От имени будущего я прошу вас, у которых все в прошлом, – оставьте нас в покое. Вы лишние среди нас. Вы не обладаете верховной властью там, где мы собрались.

Мы не избирали правительства и вряд ли когда-либо оно у нас будет, поэтому я обращаюсь к вам, имея власть не большую, нежели та, с которой говорит сама свобода. Я заявляю, что глобальное общественное пространство, которое мы строим, по природе своей независимо от тираний, которые вы стремитесь нам навязать. Вы не имеете ни морального права властвовать над нами, ни методов принуждения, которые действительно могли бы нас утратить.

Истинную силу правительствам дает согласие тех, кем они правят. Нашего согласия вы не спрашивали и не получали. Мы не приглашали вас. Вы не знаете ни нас, ни нашего мира. Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, как если бы оно было объектом государственного строительства. Вы не способны на это. Киберпространство является делом естества и растет само посредством наших совокупных действий.

Вы не вовлечены в наш великий и все более ширящийся разговор; не вы создаете богатства наших рынков. Вы не знаете нашей культуры, нашей этики и неписаных законов, которые уже сейчас обеспечивают нашему обществу больший порядок, чем тот, которого можно достичь вашими наказаниями и запретами.

Вы заявляете, что у нас есть проблемы, решать которые должны вы. Вы используете это заявление как предлог для вторжения в наши земли. Многие из этих проблем не существуют. Там же, где есть реальные конфликты и недостатки, мы выявим и устраним их собственными средствами. Мы устанавливаем свой собственный Общественный Договор. Этот способ правления возникнет согласно условиям нашего, а не вашего мира. Наш мир – другой.

Киберпространство состоит из взаимодействий и отношений, мыслит и выстраивает себя подобно стоячей волне в сплетении наших коммуникаций. Наш мир одновременно везде и нигде, но не там, где живут наши тела.

Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения. Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или ее принудят к молчанию или согласию с мнением большинства.

Ваши правовые понятия собственности, выражения, личности, передвижения и контекста к нам неприменимы. Они основаны на материи – здесь материи нет. Наши личности не имеют тел, поэтому, в отличие от вас, мы не можем достичь порядка посредством физического принуждения. Мы верим, что наш способ правления возникнет на основе этики, просвещенного эгоизма и общего блага. Наши личности могут охватить многое, что находится в вашей юрисдикции. Единственный закон, который признают практически все входящие в наш состав культуры, – это Золотое Правило. Мы надеемся, что сможем отыскивать частные решения, исходя из этого общепологающего принципа. Но мы не можем принять решения, которые вы стараетесь навязать.

Сейчас вы создали в Соединенных Штатах закон – Акт о реформе телекоммуникаций, – который отвергает вашу собственную конституцию и оскорбляет мечты Джефферсона, Вашингтона, Милля, Мадисона, Де Токвиля и Брандеса. Эти мечты должны теперь заново родиться в нас.

Вы испытываете ужас перед собственными детьми, потому что они чувствуют себя как дома в мире, в котором вы всегда будете иммигрантами. Поскольку вы их боитесь, вы трусливо перекладываете свои родительские обязанности на бюрократический аппарат. В нашем мире все чувства и высказывания, от низменных до ангелических, являются частями единого целого – глобального разговора в битах. Мы не можем отделить воздух, который удушает, от воздуха, по которому бьют крылья.

В Китае, Германии, Франции, России, Сингапуре, Италии и Соединенных Штатах вы пытаетесь установить информационный карантин, дабы предотвратить распространение вируса свободомыслия, воздвигнув заставы на рубежах Киберпространства. Эти меры способны сдерживать эпидемию некоторое время, но в мире, который скоро весь будет охвачен средством коммуникации, несущим биты, они не будут работать.

Ваша все более и более устаревающая информационная промышленность желала бы увековечить свое господство, выдвигая законы, – как в Америке, так и в других странах – требующие права собственности на саму речь по всему миру. Эти законы провозглашают, что идеи – всего лишь еще один промышленный продукт, благородный не более чем чугунные чушки. В нашем же мире все, что способен создать человеческий ум, может репродуцироваться и распространяться до бесконечности безо всякой платы. Для глобальной передачи мысли ваши заводы больше не требуются.

Эти все более враждебные колониальные меры ставят нас в положение, в котором оказались в свое время приверженцы свободы и самоопределения, вынужденные отвергнуть авторитет удаленной единообразной власти. Мы должны провозгласить свободу наших виртуальных «я» от вашего владычества, даже если мы и согласны с тем, что вы продолжаете властвовать над нашими телами. Мы распространим наши «я» по всей планете так, что никто не сможет арестовать наши мысли.

Мы сотворим в Киберпространстве цивилизацию Сознания. Пусть она будет более человечной и честной, чем мир, который создали до того ваши правительства.

Михаил Михайлович Бахтин (1895-1975) – русский философ, мыслитель, культуролог, теоретик европейской культуры и искусства, лингвист и литературовед. Создал несколько лингвистических работ, посвящённых общетеоретическим вопросам, стилистике и теории речевых жанров.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

<...> Все многообразные области человеческой деятельности связаны с использованием языка. Вполне понятно, что характер и формы этого использования так же разнообразны, как и области человеческой деятельности, что, конечно, нисколько не противоречит общенародному единству языка. Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны *в целом* высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои *относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами*.

Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы. Особо нужно подчеркнуть крайнюю *разнородность* речевых жанров (устных и письменных). В самом деле, к речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога (причем разнообразие видов бытового диалога в зависимости от его темы, ситуации, состава участников чрезвычайно велико), и бытовой рассказ, и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализованный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный), и разнообразный мир публицистических выступлений (в широком смысле слова: общественные, политические); но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа). Может показаться, что разнородность речевых жанров так велика, что нет и не может быть единой плоскости их изучения: ведь здесь в одной плоскости изучения оказываются такие разнороднейшие явления, как однословные бытовые реплики и многотомный художественный роман, как стандартная и обязательная даже по своей интонации военная команда и глубоко индивидуальное лирическое произведение и т. п. Функциональная разнородность, как можно подумать, делает общие черты речевых жанров слишком абстрактными и пустыми. Этим, вероятно, и объясняется, что общая проблема речевых жанров по-настоящему никогда не ставилась. Изучались – и больше всего – литературные жанры. Но начиная с античности и до наших дней они изучались в разрезе их литературно-художественной специфики, в их дифференциальных отличиях друг от друга (в пределах литературы), а не как определенные типы высказываний, отличные от других типов, но имеющие с ними общую *словесную* (языковую) природу. Общелингвистическая проблема высказывания и его типов почти вовсе не учитывалась.

Начиная с античности изучались и риторические жанры (причем последующие эпохи не много прибавили к античной теории); здесь уже обращалось больше внимания на словесную природу этих жанров как высказываний, на такие, например, моменты, как отношение к слушателю и его влияние на высказывание, на специфическую словесную завершенность высказывания (в отличие от законченности мысли) и др. Но все же и здесь специфика риторических жанров (судебных, политических) заслоняла их общелингвистическую природу. Изучались, наконец, и бытовые речевые жанры (преимущественно реплики бытового диалога), и притом как раз с общелингвистической точки зрения (в школе де Соссюра, у его новейших последователей – структуралистов, у американских бихевиористов, на совершенно другой лингвистической основе у фоссерианцев). Но это изучение также не могло привести к правильному определению общелингвистической природы высказывания, так как оно ограничивалось спецификой устной бытовой речи, иногда прямо ориентируясь на нарочито примитивные высказывания (американские бихевиористы).

Крайнюю разнородность речевых жанров и связанную с этим трудность определения общей природы высказывания никак не следует преуменьшать. Особенно важно обратить здесь внимание на очень существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами (это не функциональное различие). Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни. Роман в его целом является высказыванием, как и реплика бытового диалога или частное письмо (он имеет с ними общую природу), но в отличие от них это высказывание вторичное (сложное).

Различие между первичными и вторичными (идеологическими) жанрами чрезвычайно велико и принципиально, но именно поэтому природа высказывания должна быть раскрыта и определена путем анализа и того и другого вида; только при этом условии определение может стать адекватным сложной и глубокой природе высказывания (и охватить важнейшие его грани); односторонняя ориентация на первичные жанры неизбежно приводит к вульгаризации всей проблемы (крайняя степень такой вульгаризации – бихевиористическая лингвистика). Самое взаимоотношение первичных и вторичных жанров и процесс исторического формирования последних проливают свет на природу высказывания (и прежде всего на сложную проблему взаимоотношения языка и идеологии, мировоззрения).

Изучение природы высказывания и многообразия жанровых форм высказываний в различных сферах человеческой деятельности имеет громадное значение для всех почти областей лингвистики и филологии. Ведь всякая исследовательская работа над конкретным языковым материалом – по истории языка, по нормативной грамматике, по составлению всякого рода словарей, по стилистике языка и т. д. – неизбежно имеет дело с конкретными высказываниями (письменными и устными), относящимися к различным сферам человеческой деятельности и общения, – летописями, договорами, текстами законов, канцелярскими и иными документами, различными литературными, научными и публицистическими жанрами, официальными и бытовыми письмами, репликами

бытового диалога (во всех его многообразных разновидностях) и т. д., – откуда исследователи и черпают нужные им языковые факты. Отчетливое представление о природе высказывания вообще и об особенностях различных типов высказываний (первичных и вторичных), то есть различных речевых жанров, необходимо, как мы считаем, при любом специальном направлении исследования. Игнорирование природы высказывания и безразличное отношение к особенностям жанровых разновидностей речи в любой области лингвистического исследования приводят к формализму и чрезмерной абстрактности, понижают историчность исследования, ослабляют связи языка с жизнью. Ведь язык входит в жизнь через конкретные высказывания (реализующие его), через конкретные же высказывания и жизнь входит в язык. Высказывание – это проблемный узел исключительной важности. Подойдем в этом разрезе к некоторым областям и проблемам языкознания.

Прежде всего о стилистике. Всякий стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказываний, то есть речевыми жанрами. Всякое высказывание – устное и письменное, первичное и вторичное и в любой сфере речевого общения – индивидуально и потому может отразить индивидуальность говорящего (или пишущего), то есть обладать индивидуальным стилем. Но не все жанры одинаково благоприятны для такого отражения индивидуальности говорящего в языке высказывания, то есть для индивидуального стиля. Наиболее благоприятны – жанры художественной литературы: здесь индивидуальный стиль прямо входит в само задание высказывания, является одной из ведущих целей его (но и в пределах художественной литературы разные жанры предоставляют разные возможности для выражения индивидуальности в языке и разным сторонам индивидуальности). Наименее благоприятные условия для отражения индивидуальности в языке наличны в тех речевых жанрах, которые требуют стандартной формы, например, во многих видах деловых документов, в военных командах, в словесных сигналах на производстве и др. Здесь могут найти отражение только самые поверхностные, почти биологические стороны индивидуальности (и то преимущественно в устном осуществлении высказываний этих стандартных типов). В огромном большинстве речевых жанров (кроме литературно-художественных) индивидуальный стиль не входит в замысел высказывания, не служит одной <из> его целей, а является, так сказать, эпифеноменом высказывания, дополнительным продуктом его. В разных жанрах могут раскрываться разные слои и стороны индивидуальной личности, индивидуальный стиль может находиться в различных взаимоотношениях с общенародным языком. Самая проблема общенародного и индивидуального в языке в основе своей есть проблема высказывания (ведь только в нем, в высказывании, общенародный язык воплощается в индивидуальную форму). Самое определение стиля вообще и индивидуального стиля в частности требует более глубокого изучения как природы высказывания, так и разнообразия речевых жанров.

Органическая, неразрывная связь стиля с жанром ясно раскрывается и на проблеме языковых или функциональных стилей. По существу языковые или функциональные стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы; этим жанрам и соответствуют определенные стили. Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные, специфические для каждой сферы условия речевого общения порождают определенные жанры, то есть определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний. Стиль неразрывно связан с определенными тематическими единствами и – что особенно важно – с определенными композиционными единствами: с определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения (к слушателям или читателям, партнерам, к чужой речи и т. п.). Стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания. Это не значит, конечно, что

языковой стиль нельзя сделать предметом самостоятельного специального изучения. Такое изучение, то есть стилистика языка как самостоятельная дисциплина, и возможно и нужно. Но это изучение будет правильным и продуктивным лишь на основе постоянного учета жанровой природы языковых стилей и на основе предварительного изучения разновидностей речевых жанров. До сих пор стилистика языка лишена такой основы. Отсюда ее слабость. Нет общепризнанной классификации языковых стилей. Авторы классификаций часто нарушают основное логическое требование классификации – единство основания. Классификации чрезвычайно бедны и недифференцированы. Например, в недавно опубликованной академической грамматике русского языка даются такие стилистические разновидности языка: книжная речь, народная речь, отвлеченно-научная, научно-техническая, газетно-публицистическая, официально-деловая, фамильярная бытовая речь, вульгарное просторечие. Наряду с этими языковыми стилями в качестве стилистических разновидностей фигурируют диалектные слова, устарелые слова, профессиональные выражения. Такая классификация стилей совершенно случайна, и в ее основе лежат разные принципы (или основания) деления на стили. Кроме того, классификация эта и бедна и мало дифференцирована. Все это является прямым результатом недопонимания жанровой природы языковых стилей и отсутствия продуманной классификации речевых жанров по сферам человеческой деятельности (а также и очень важного для стилистики различения первичных и вторичных жанров).

Отрыв стилей от жанров особенно пагубно сказывается при разработке ряда исторических вопросов. Исторические изменения языковых стилей неразрывно связаны с изменениями речевых жанров. Литературный язык – это сложная динамическая система языковых стилей; их удельный вес и их взаимоотношения в системе литературного языка находятся в непрерывном изменении. Еще более сложной и на иных началах организованной системой является язык литературы, в состав которого входят и стили нелитературного языка. Чтобы разобраться в сложной исторической динамике этих систем, чтобы от простого (и в большинстве случаев поверхностного) описания наличествующих и сменяющих друг друга стилей перейти к историческому объяснению этих изменений, необходима специальная разработка истории речевых жанров (притом не только вторичных, но и первичных), которые более непосредственно, чутко и гибко отражают все происходящие в общественной жизни изменения. Высказывания и их типы, то есть речевые жанры, – это приводные ремни от истории общества к истории языка. Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки.

В каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры, притом не только вторичные (литературные, публицистические, научные), но и первичные (определенные типы устного диалога – салонного, фамильярного, кружкового, семейно-бытового, общественно-политического, философского и др.). Всякое расширение литературного языка за счет различных внелитературных слоев народного языка неизбежно связано с проникновением во все жанры литературного языка (литературные, научные, публицистические, разговорные и др.) в большей или меньшей степени и новых жанровых приемов построения речевого целого, его завершения, учета слушателя или партнера и т. п., что приводит к более или менее существенной перестройке и обновлению речевых жанров. Обращаясь к соответствующим нелитературным слоям народного языка, неизбежно обращаются и к тем речевым жанрам, в которых эти слои реализуются. Это в большинстве случаев различные типы разговорно-диалогических жанров; отсюда более или менее резкая диалогизация вторичных жанров, ослабление их монологической композиции, новое ощущение слушателя как партнера-собеседника, новые формы завершения целого и др. Где стиль, там жанр. Переход стиля из одного жанра в другой не только меняет звучание стиля в условиях несвойственного ему жанра, но и разрушает или обновляет данный жанр.

Таким образом, и индивидуальные и языковые стили довлеют речевым жанрам. Более глубокое и широкое изучение этих последних совершенно необходимо для продуктивной разработки всех вопросов стилистики.

Но и принципиальный и общий методологический вопрос о взаимоотношениях лексики и грамматики, с одной стороны, и стилистики – с другой, упирается в ту же проблему высказывания и речевых жанров.

Грамматика (и лексика) существенно отличается от стилистики (некоторые даже противопоставляют ее стилистик), но в то же время ни одно грамматическое исследование (я уже и не говорю о нормативной грамматике) не может обойтись без стилистических наблюдений и экскурсов. В целом ряде случаев граница между грамматикой и стилистикой как бы и вовсе стирается. Существуют явления, которые одними исследователями относятся к области грамматики, другими – к области стилистики. Такова, например, синтагма.

Можно сказать, что грамматика и стилистика сходятся и расходятся в любом конкретном языковом явлении: если рассматривать его только в системе языка, то это грамматическое явление, если же рассматривать его в целом индивидуального высказывания или речевого жанра, то это стилистическое явление. Ведь самый выбор говорящим определенной грамматической формы есть акт стилистический. Но эти две точки зрения на одно и то же конкретное явление языка не должны быть взаимно непроницаемы друг для друга и не должны просто механически сменять друг друга, но должны органически сочетаться (при самом четком методологическом различении их) на основе реального единства языкового явления. Только глубокое понимание природы высказывания и особенностей речевых жанров может обеспечить правильное разрешение этой сложной методологической проблемы.

Изучение природы высказывания и речевых жанров имеет, как нам кажется, основополагающее значение для преодоления упрощенных представлений о речевой жизни, о так называемом “речевом потоке”, о коммуникации и т. п., представлений, еще бытующих в нашем языкознании. Более того, изучение высказывания как *реальной единицы речевого общения* позволит правильнее понять и природу *единиц языка* (как системы) – слова и предложения.

Джон Лэнгшо Остин (1911-1960) – английский философ, автор основополагающих работ по лингвистической философии. Внёс огромный вклад в разработку теории речевых акт и дискурсивного анализа.

СЛОВО КАК ДЕЙСТВИЕ

ЛЕКЦИЯ I

То, о чем я намерен рассказать, не сложно и даже не спорно. Я вижу в своих рассуждениях, по крайней мере, в некоторых, единственное достоинство – истинность. Явление, которое будет здесь обсуждаться, широко распространено и очевидно и, разумеется, едва ли могло остаться незамеченным другими исследователями. Однако работы, специально посвященной этой теме, я не встречал.

Философы очень долго полагали, что единственное назначение «утверждения» (statement) – «описывать» некоторое положение дел или «утверждать» некий факт, и причем всегда либо в качестве истинного, либо ложного. Грамматисты, конечно, указывали, что не все «предложения» являются утверждениями; кроме (грамматических) утверждений, традиционно называются вопросы, восклицания, а также предложения, выражающие поведение, желание или уступку. Философы, разумеется, не отрицали указаний грамматистов и все же небрежно употребляли термин «предложение» вместо «утверждение». И нет никакого сомнения в том, что те и другие прекрасно представляли себе, насколько трудно отграничить утверждения даже от вопросов, повелений и т. п. с помощью скудных средств, которыми располагает грамматика, – таких, например, как порядок слов, наклонение и пр. Однако останавливать внимание на трудностях, немедленно возникающих в связи с этим наблюдением, не было принято. В самом деле, как решить, что есть что? Каковы границы и определения в каждом отдельном случае?

Но все-таки в последнее время многое из того, что безусловно принималось и философами и грамматистами как «утверждение», подверглось строгому пересмотру. Такое обостренное внимание к этим явлениям родилось, во всяком случае, в философии, благодаря косвенным факторам. Вначале возникло мнение, зачастую формулировавшееся слишком догматически, что утверждение (факт) должно быть «верифицируемым», а из этого следовало, что многие «утверждения» на поверку оказываются не более чем псевдоутверждениями. Сразу бросилось в глаза, что многие «утверждения», несмотря на безупречную грамматическую форму, представляют собой полную бессмыслицу. (Впервые, по-видимому, это было последовательно показано Кантом.) Обнаружение новых и новых разновидностей бессмыслицы в конечном итоге пошло нам в пользу, хотя их классификация часто бывала бессистемной, а объяснения – мистическими. Но все мы, включая философов, не можем примириться с тем, что в нашей речи беспредельно много бессмысленного, поэтому на второй ступени анализа, естественно, возникает вопрос, стоит ли считать очевидные псевдоутверждения вообще «утверждениями»? Все исследователи пришли к выводу, что многие высказывания, похожие на утверждения, вовсе не предназначены для сообщения или записи прямой информации о фактах (или предназначены для этого лишь частично). Например, все «этические суждения» целиком или частично направлены на возбуждение чувства, на предписание поведения или определенное воздействие на него. В решении этого вопроса Кант также был одним из первых. Мы очень часто используем высказывания так, что выходим за рамки грамматики, во всяком случае, традиционной. Было замечено, что в описательные на первый взгляд утверждения бывают вкраплены совершенно несуразные слова,

указывающие вовсе не на какие-то новые особенные свойства описываемой действительности, а на обстоятельства, в которых делается данное утверждение, на оговорки, которыми необходимо его сопроводить, на то, как следует его понимать и т. п. (заметим, что соответствующие слова именно указывают на подобную информацию, а не сообщают о ней в деталях).

Еще недавно общепринятое игнорирование возможности таких высказываний называют теперь заблуждением относительно «описательного» характера утверждений: не очень удачное название, поскольку термин «описательный» имеет слишком узкое значение. Не все истинные или ложные утверждения являются описаниями, поэтому я предпочитаю пользоваться словом «констативный». Этот ход мысли привел, по-видимому, к постепенному пониманию того, что многие традиционные философские сложности были следствием ошибки, а именно: за прямые утверждения о фактах ошибочно принимались такие высказывания, которые либо вообще не имеют смысла (на особый, не-грамматический манер), либо замысливались как нечто совсем другое.

Мы можем сомневаться в каком-нибудь из этих взглядов и предположений, можем горько сожалеть об изначальной путанице, в которой потонули философские доктрина и метод, но одно бесспорно – эти взгляды ведут к перевороту в философии. При желании это можно назвать великим и благотворным событием в истории нашей науки, и, возможно, это не будет чрезмерным преувеличением. Не удивительно и то, что этот переворот назревал постепенно, и первоначально *parti pris* преследовал иные цели.

Предварительное вычленение перформативных высказываний

Тот тип высказываний, который мы собираемся здесь рассмотреть, не является, вообще говоря, видом бессмыслицы, хотя его неправильное употребление, как мы увидим, может порождать довольно специфические виды «бессмыслицы». Он, скорее, входит во второй класс – масок; причем для представителей этого класса вовсе не обязательно маскироваться под описательные, или констативные, утверждения факта, хотя зачастую так и бывает, и что удивительнее всего, как раз тогда, когда они выступают в своей наиболее явной форме. Грамматисты, как мне кажется, не разглядели этого «обмана», философы иногда случайно его обнаруживали. Нам будет удобно поэтому взять рассматриваемый тип высказываний сначала в этой обманчивой форме и выявить его характеристики путем сравнения их с характеристиками утверждения (факта), которому данный тип высказываний подражает.

Итак, возьмем в качестве примеров высказывания, бесспорно принадлежащие к *грамматической* категории «утверждения», не являющиеся бессмыслицей и не содержащие ни одного из тех словесных сигналов опасности, распознанных или якобы распознанных философами (таких любопытных слов, как *хороший* или *все*, подозрительных вспомогательных глаголов типа *должен* или *может* и сомнительных конструкций типа гипотетической). Во всех высказываниях будет присутствовать банальный глагол в первом лице единственного числа действительного залога настоящего времени изъявительного наклонения. Можно найти высказывания, которые удовлетворяют этим условиям и в то же время: А. ничего не «описывают», не «сообщают» и не «констатируют», не являются «истинными или ложными», и Б. высказывание такого предложения является осуществлением действия или его части, которое не может быть *естественным образом* описано как говорение.

Все это совсем уж не так парадоксально, как кажется на первый взгляд или как я умышленно пытался это представить. И в самом деле вас, пожалуй, разочаруют примеры, которые я сейчас приведу:

(а) I do (sc. take this woman to be my lawful wedded wife) 'Да (т. е. я согласен взять эту женщину в жены)' – высказывание в ходе брачной церемонии.

(б) I name this ship the 'Queen Elizabeth' 'Напекаю судно «Королева Елизавета»' – слова, сопровождающие разбивание бутылки с шампанским о нос судна.

(в) I give and bequeath my watch to my brother 'Я завещаю свои часы брату' – слова из завещания.

(г) I bet you sixpence it will rain tomorrow `Держу пари на шесть пенсов, что завтра будет дождь'.

Эти примеры ясно показывают, что высказывание предложения (конечно, в соответствующих обстоятельствах) не является *описанием* того, как было бы квалифицировано мое действие в результате произнесения высказывания, или *утверждением*, что я совершаю данный акт: произнесение высказывания и есть осуществление действия. Все вышеприведенные высказывания не являются ни истинными, ни ложными. Я принимаю эту точку зрения как очевидную и не нуждающуюся в обосновании. Ей не нужно обоснование точно так же, как не нужно оно утверждению о том, что высказывание «черт возьми» (damn) не истинно и не ложно. Я, разумеется, соглашусь с тем, что это высказывание может «служить для передачи информации», но это совсем другое дело. Крещение судна – это и *есть* произнесение (в соответствующих обстоятельствах) слов "Нарекаю и т.д." (I name, etc.). Когда я говорю перед чиновником, алтарем и т. п. "Да" (I do), я не сообщаю о бракосочетании, я участвую в его совершении.

Как нам следует назвать предложение или высказывание такого типа? Я предлагаю название *перформативное предложение*, или перформативное высказывание, или для краткости «перформатив». Мы будем пользоваться этим термином в соответствующих ситуациях и конструкциях примерно так же, как употребляем термин «императив» («повелительный»). Название происходит, конечно, от perform – `исполнять, выполнять, делать, осуществлять' – обычного глагола, сочетающегося с существительным action 'действие'. Название указывает, что производство высказывания является осуществлением действия: естественно предполагать, что в этом случае происходит не просто говорение.

Приходят на ум и некоторые другие термины, каждый из которых пригоден для того или иного, более или менее широкого подкласса перформативов; так, например, многие перформативы являются *договорными* (contractual) или *декларативными* (declaratory: I declare war 'Я объявляю войну') высказываниями. Но ни один из имеющих хождение терминов, насколько мне известно, не приближается к объему, необходимому для охвата всех подобных высказываний. Есть один специальный термин, почти удовлетворяющий нашим требованиям – «оперативный» (operative) в том значении, в каком он терминологически (в строгом смысле) употребляется юристами в отношении той части, то есть тех пунктов документа, которые обеспечивают реализацию сделки, являющейся основным предметом договора (передачи имущества, например). Остальная часть документа просто «излагает» обстоятельства, при которых эта сделка осуществляется. Но у термина «оперативный» есть и другие значения. И действительно, это слово в наши дни часто употребляется, когда просто хотят сказать «важный». Я предпочел новое слово, которому мы не станем, быть может, с такой готовностью приписывать предвзятое значение, хотя его этимология вполне осмысленна.

Можно ли творить реальность словом?

Должны ли мы говорить теперь:

"Вступить в брак – значит произнести несколько слов" или

"Сделать ставку – значит просто что-то сказать"?

Такой постулат поначалу выглядит странным и даже легкомысленным, но, если принять определенные меры предосторожности, он не будет казаться таким.

Мы предвидим одно важное и обоснованное возражение. Акты такого рода часто осуществляются без участия устной или письменной речи, а каким-нибудь другим способом. Например, в какой-нибудь стране я могу стать супругом в результате простого сожительства; или я могу сделать ставку с помощью механического тотализатора, опустив в прорезь монету. Поэтому наши суждения следует, вероятно, изменить и дать им следующую формулировку: "произнести несколько определенных слов – значит вступить

в брак", или "в некоторых случаях бракосочетание осуществляется простым произнесением нескольких слов", или "произнесение определенных слов означает заключение пари".

Однако действительная причина опасений кроется, наверное, в другом очевидном факте. Ниже мы обсудим его подробно. Речь идет вот о чем. Произнесение слов и в самом деле является обычно одним из главных или даже самым главным событием в осуществлении акта (заключения пари, например), являющегося целью высказывания. Но обычно, а может быть и никогда, нельзя полностью осуществить какой-то акт с помощью *одних только слов*. Вообще говоря, в любом случае необходимо, чтобы *обстоятельства*, в которых произносятся нужные слова, так или иначе *соответствовали* им, а во многих ситуациях необходимо также, чтобы сам говорящий или другие лица осуществляли к тому же некоторые *другие* «физические» или «умственные» действия или даже произносили еще какие-нибудь слова. Так, для именованного суда важно, чтобы я был лицом, назначенным выполнить этот акт, а для бракосочетания (по христианскому обряду) крайне важно, чтобы я не был уже женат на живой, здоровой и неразведенной со мной женщине и т. п.; для заключения пари обычно требуется, чтобы ставка была принята второй стороной (которая должна это как-то выразить, например, сказать "идет"); и вряд ли можно считать, что преподнесен подарок, если я *сказал* "дарю", но ничего не дал.

Ну, хорошо. Действие может совершаться не только через перформативные высказывания; и далее, в любом случае обстоятельства, в том числе другие действия, должны соответствовать намерению. Но попытаюсь отвергнуть концепцию перформативов, мы можем обратиться к совсем иным и на этот раз совершенно ошибочным доводам, особенно если иметь в виду такие внушающие благоговение перформативные высказывания, как «Я обещаю, что...». Конечно, мы принимаем эти слова «всерьез», только когда они говорятся «всерьез». Это требование несколько расплывчато, но в общем случае реально. Оно подразумевает важное и общепринятое положение, существенное для обсуждения цели любого высказывания. Так, в данном случае мне не к чему шутить или сочинять стихотворение. Может сложиться впечатление, что серьезность высказываний заключается в том, что они становятся как бы внешним, видимым знаком, предназначенным информировать нас о внутреннем, духовном акте. Отсюда только один шаг к тому, чтобы поверить или предположить, что внешне высказывание может представлять собой *истинное* или *ложное* описание события внутреннего мира. Классическое выражение этой идеи есть в еврипидовском «Ипполите» (612), в том месте, где Ипполит на слова кормилицы «Дитя мое, ты же клялся, вспомни только...» говорит: «Устами да, – но сердце ни при чем», то есть 'мой язык клялся, но мое сердце (разум, или какой-нибудь другой закулисный участник) ни при чем. Итак, "я обещаю, что..." налагает обязательства – фиксирует (регистрирует) духовное приятие духовных уз.

Мы отчетливо видим в этом примере, как излишек глубины, а точнее серьезности, ведет к нравственному падению. Человек, утверждающий, что «обещание – это не просто произнесение слов! Это внутренний, духовный акт!», производит впечатление непреклонного моралиста, противостоящего поколению поверхностных теоретиков: мы его воспринимаем таким, каким он видит себя сам, – обзревающим скрытые глубины этического пространства со всем рвением знатока *sui generis*. И все же Ипполиту он дает оправдание, двоеженцу прощает его «Да», а не желающему уплатить проигрыш обеспечивает защиту от его «Держу пари». И точность, и мораль стоят на стороне простого утверждения, что «*Наше слово – это наши цепи*».

Если мы исключим из рассмотрения подобные фиктивные внутренние акты, можем ли мы тогда предположить, что всё остальное, что обычно сопровождает высказывание типа "я обещаю, что..." или "я согласен (взять в жены эту женщину)...", описывается самим высказыванием, и, следовательно, наличие соответствующих обстоятельств свидетельствует о его истинности, а отсутствие – о ложности? Рассмотрим вначале

последнюю возможность, и определим, что мы в действительности думаем о высказывании, *лишенном* того или иного из общепризнанных сопутствующих обстоятельств. Мы никогда не сочтем такое высказывание ложным. Вернее всего, мы решим, что высказывание – а точнее *акт*, например обещание, – было *недействительным*, или *неискренним*, или *неосуществленным*, или еще каким-нибудь в этом роде. В конкретном случае обещания, как, впрочем, и многих других перформативных высказываний, предполагается, что лицо, высказывающее его, имеет определенное намерение, здесь – сдержать свое слово. Из всех сопутствующих обстоятельств именно намерение больше всего соответствует тому, что описывается или регистрируется выражением "Я обещаю". Когда такое намерение отсутствует, разве мы не говорим о «ложном» обещании? Но при этом мы *не* имеем в виду, что высказывание "Я обещаю, что..." является ложным в том смысле, что, хотя человек утверждает, что он обещает, на самом деле он не обещает; или что, описывая нечто, он описывает неправильно (сообщает нечто неверное). Дело в том, что человек действительно *даст* обещание: и, хотя оно *неискренно*, его нельзя признать *недействительным*. Такое высказывание, возможно, запутывает или даже обманывает, и, хотя оно, несомненно, ошибочно, это все же не ложь, не ложное утверждение. Мы могли бы прояснить ситуацию, согласясь, в крайнем случае, что такое высказывание подразумевает или порождает ложь или ложное утверждение о том, что человек реально намеревается что-то сделать, но это совсем другое дело. Более того, мы не говорим о ложном пари или ложном крещении. И если уж все-таки мы *говорим* иногда о ложном обещании, это обязывает нас не больше, чем, например, разговор о ложном движении. Эпитет «ложный» прилагается ведь не к одним только утверждениям.

Содержание

Тема 1. Понятие коммуникации. Коммуникация и общение	3
Тема 2. Развитие средств коммуникации	7
Тема 3. Модели общения	11
Тема 4. Разновидности общения	14
Тема 5. Функции языка и речи	18
Тема 6. Особенности межличностной и массовой коммуникации	21
Тема 7. Жанры речи и речевые события	24
Планы практических и семинарских занятий	26
Рекомендуемая литература	29
Вопросы к зачету	32
Приложение. Избранные труды по теории коммуникации	33
Содержание	55

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского